

18+ Мария Буркова

Верхняя пуговица

Ъ-космоопера, неизбежность
человеческой истории

Мария Буркова
Верхняя пуговица. Ъ-
космоопера, неизбежность
человеческой истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22571075

ISBN 9785448359408

Аннотация

Космос безжалостен к человеку. И потому водить звездолёты – не для простого смертного. Однако космофлот существует, потому что нужен человечеству. Да, офицеры-лётчики могут всё. Но чего им стоит это – охранять безопасность всех остальных? И почему они – такие? Сами они себя справедливо считают обычными людьми – и это действительно так, просто дисциплина выше всего остального. Галактика требует от людей высшей степени человечности – и только пилот звездолёта способен достичь этих высот.

Содержание

1. Быть собой	5
II	30
III	66
IV	97
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Верхняя пуговица Ъ-космоопера, неизбежность человеческой истории

Мария Буркова

*Жажду новых встреч утолить —
Не всегда достаточно взгляда.
Но себя сможет тот изменить,
Кому это действительно надо.*

*Брошен жребий и начат отсчет,
Найдено решение задачи —
Капитанский плащ на плечо,
Два глотка сакэ – на удачу.
Хельга Эль-Кенти.*

© Мария Буркова, 2017

ISBN 978-5-4483-5940-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Быть собой

Мы пока не знаем – надолго ли обрели этот общий дом.

Недосказано слишком многое, всё отложено на потом.

Мы в душе остаёмся прежними – уж такими, какие есть...

Безмятежность – удел мятежников, риск – удел сохранивших честь.

Хельга Эль-Кентти.

Темплу Скайстону было плохо. И на этот раз уже безнадёжно. Рассчитывать уже было не на что – и жалеть о чём-то поздно. Возможно, что и эта передышка ненадолго. Ломать голову, почему его отказываются слушать, сил не было. Раз не получилось объяснить, что произошла ошибка – а ведь так и неясно, почему не верят – не совсем же идиоты эти сотрудники спецслужбы Лиги – значит, все возможности отрезаны полностью. Чёртов компьютер слишком хорошо работал – и не допускал нежелательной гибели допрашиваемого, а что при этом чувствует человек – это, разумеется, вне компетенции программы. Какая, в сущности, нелепость – Скайстон не знает того, что якобы должен знать, сказать попросту нечего, но машина не остановится, пока не выжмет из допрашиваемого то, что он якобы скрывает. Тупик – в этой камере

всё учтено, деваться некуда – привет унылым беллетристам, тиражирующим сказочки о героях, которым удалось порвать путы и сбежать, ага... Кабы глянули раз на экскурсии, что это такое – посходили бы с ума всем цехом сразу. Темпл, возможно, не возражал бы сейчас и против такого исхода – может быть, хоть в безумии был бы конец пыткам, или хотя бы возможность суицида... Вот сейчас снова накатит волна боли, которую не может вынести человек – и что произойдёт потом, никто в Галактике не узнает и не поинтересуется. Неужели эти типа люди просто забавляются там, где-то, высчитывая, через какое время очередной расходный материал таки помрёт от неучтённого программой – новой порции того, чему нет названия? Как долго это продолжается и какой раз по счёту? И зачем? Не такая уж важная информация – убийство агента, этой мелкой сошки, клинических садистов ни одна спецслужба не ставит на серьёзные посты. А о Джине, то есть, принцессе Оранте, даже вопросов не задавали – как ни крути, а ничего интересного для палачей Темпл так и не знает. Остаётся только предполагать, что угодил ты, вольный негодьянт, к учёным докторам, что испытывают новый стенд для пыток – а это финал. Разве что для них не имеет значения, сломался ли человек – ну, а то, что Темпл сломался, понял бы любой палач, глянув разок на заданные параметры – и никакие легенды о мучениках против цифр не попрут... Может, и стоило бы пожалеть о некоторых вещах, но это уже не имеет значения. То, что было до – пере-

стало существовать – потому что сейчас в мире не осталось ничего, кроме боли – так и есть, новая волна, сплошная боль, затопившая собой всю Вселенную, без остатка. Почему он ещё продолжает чувствовать, почему он вообще ещё существует? Такая боль уже давно должна разрушить всё и везде... Когда же конец и пустая тьма? Или это и есть вечность? Не-ет, это невыносимо, убейте же меня кто-нибудь, раз здесь нет Бога, то есть же хоть смерть!

– Капитан, капитан, Вам плохо? – какой-то знакомый голос, значит, он ещё жив. Больно, но вроде бы ещё в себе, раз слышу, и, видимо, уже не на стенде, раз чувствую, как трясут за плечи. Может, услышали и подмог кто? Темпл наконец ощутил, что слипшиеся веки расползаются, странно, что они ещё реагируют на свет – понятно, в помещении светло. Из груди вырвался зажатый вздох – что, на стоны сил уже не хватает, что ли – и Скайстон наконец открыл глаза. Пронесло. Он сидел в своём кресле на своём корабле, вцепившись затёкшими руками в подлокотники, а Григораш испуганно таращился на его лицо – что ж, может, наличие второго пилота и есть необходимость, а только сейчас Темпл очень жалел, что прихватил с собой этого молодого кота в мешке. Но выбирать не приходилось – и без того стоит порадоваться, что нашёлся желающий лететь к чёрту в пасть, в самое сердце Лиги, да предводителю республиканцев Темпл немало нахамил... Во всём теле носились мириады крохот-

ных иголок, в голове кто-то недавно взорвал что-то вроде водородной бомбы, но Скайстон смог заставить себя деланно усмехнуться – ну и плевать, что слишком деланно – и не торопясь потянуться:

– Спасибо, что разбудил, стажёр, – услышал он свой густой и недовольный голос. – Я что, орал во сне, что ли? – так, половина пути уже за кормой, неплохо, но ведь всего лишь половина...

Григораш, этот типичный худощавый брюнетик с амбициозными глазками, лихими кудрями над ними и чуть худощавой фигурой в буром лёгком комбе пилота, похоже, был слегка напуган – или сейчас соврёт, или просто совсем зелёная шпана – а чего и ждать от республиканской босоты, имперской выправки, что ли?

– Нет, но очень стонали и метались, капитан, – поспешно объяснил он. – И побледнели так, что я даже оторопел – может, нужно Вам медробота подключить, а?

Скайстон составил губы в улыбку – так и есть, бравада бравадой, хотим стать героем космоса, а на деле дрожим при первом же намёке, что капитан помрёт в пути. Ах, да, что ж я хотел, парни, видать, даже на экскурсию в монастырь не ходили, какая там практика в открытом пространстве – небось, от вида бездны до сих пор трясётся... Может, кстати, прибавил возраст – станется с них, обормотов.

– Пустяки, нет необходимости, – буднично проговорил Темпл. – Само пройдёт со временем.

Наврал, конечно, но со стажёра хватит, надо полагать. Может, наврал сам себе – не проходит ничего со временем, только хуже. Давний кошмар и не думал исчезать, и как раз в этом полёте очень некстати. Уже больше полугода, как остались в прошлом и наручники, и тупой конвоир, и эта проклятая камера – а стоит провалиться в сон, как всё заново. Ладно, этот полёт хотя бы некоторое разнообразие в полной бессмыслице последних недель – а если удастся успеть, то и в дальнейшем дел хватит. Ну, если ещё доживём – а это ты, Саймон Флеш, изволь дожить, дожить и раздать долги, всё же лучше, чем тупо болтаться по космосу, так и оставшись всего лишь контрабандистом, верно? Не так давно Темпл заметил, что его ненастоящее имя начинает его тяготить – может, он начал стареть? Пожалуй. Слишком много свалилось в последнее время – ещё до встречи с офицером, которому вроде бы был обязан свободой, Темпл заметил, что заскучал – слишком давно никто не называл его по имени. Узнать же, как было на самом деле – было слишком тяжело для остатков его нервов. Особенно тяжело было выслушивать пьяные откровения этого сноба – нельзя же у собеседника отнять право высказать своё мнение по поводу сообщаемого – и паскудные смешочки: «Везучий ты любовничек, паря, ой, везучий, да только разве можно было расставаться с такой девочкой, а?». Идиотизм, можно подумать, это Темпл бросил Джину – даже сейчас ему обидно вспоминать про незаслуженную пощёчину в порту сторонни-

ков Ормандо – что за необходимость была принимать предложение этого авантюриста, разгадки не существует покуда. И вот из-за этого негодяя, морочащего нищей молодёжи головы, не то дурака, не то пустого демагога – Джина имеет все шансы оказаться там, где остаётся молиться о скорой смерти и никогда её не дожидаться. Эта мысль разбудила уже вполне реальное чувство – гнев, который, в свою очередь, отыскивал силы в умученном кошмаром теле силы двигаться, и Скайстон нарочито медленно поднялся на ноги – не хотелось бы выглядеть перед стажёром развалиной, но не всё ли равно, если полёт окажется неудачным?

Григораш с любопытством смотрел на командира. Темпл Скайстон, рослый белый с серо-стальными глазами, бледной кожей и обычной фигурой атлета, представлял собой классическую породу, с незапамятных времён именуемую «белокурой бестией», но не носил ни гриву, ни короткую стрижку. Его вполне можно было принять за майора Империи, по какой-то причине снявшего форменный мундир, тем более, что в белом свете стен и потолка рубки его волосы заметно отливали оранжевым золотом – но разбавленным крепкой серебряной полосой седины, толщиной почти в два мизинца. Черты лица его не были грубыми, но и не претендовали на излишнюю уточённость – и от них веяло скорее ровным спокойствием, нежели наличием эмоций, так что трудно было представить, что пару минут назад именно это лицо бы-

ло искажено ужасной гримасой страдания, а глаза казались чёрными. Также трудно было представить, что именно этот невозмутимый мужчина, который сейчас не спеша потягивается стоя, особенно не меняя местоположения, но волна за волной разминающий затёкшие после сна мышцы, сутки назад гремел так, что звук пучился по всем коридорам стоячими волнами, а сам Арней Ормандо делал без усталости примиряющие жесты, чуть ли не сгибаясь под потоками ругани на дюжине языков Галактики. Действительно, потеря агента всегда событие неприятное, но разве агент не знает сам, на что идёт? с чего вообще какой-то негоциант возомнил, что имеет право вот так вести себя со столь значительным человеком всего лишь потому, что лже-принцесса разоблачена? Впрочем, вызваться вторым пилотом Григораша подтолкнула, видимо, как раз эта безобразная сцена – а также то, что даже острый на язык Томаш в этот раз прикусил его, пробормотав вполголоса: «Счастлива наша Оранта, когда за неё ТАК беспокоятся – но ведь Ормандо и впрямь помочь не в силах, с нашим-то скромным флотом». Тем временем Скайстон – Григораш уже знал, что его нынешнего капитана зовут так, поскольку Ормандо попытался вернуть себе утраченный статус старшего, нарочито высокомерно назвав того по имени и попросив «не забываться и предложить решение» – и сама «Надежда республики», оба перешли на малоизвестный диалект, непонятный большинству присутствующих офицеров и солдат республики – кое-кто да-

же тупо нажал запись на диктофонах, дабы после разобраться в непонятной речи. Понятно было лишь, что непонятно толком отчего разгневанный капитан торгового корабля что-то сообщает очень важное, с вызовом и укором, вероятно, что вперемешку с оскорблениями – а уже овладевший собой Арней Ормандо позволил себе усомниться в услышанном, высокомерно усмехнувшись. Это выглядело даже нарочито жёстко – при его безукоризненной внешности денди в классическом костюме лилового цвета, чёрных как межпланетные тени волосах и глазах, оливковой коже и остром подбородке с ямочкой. Скайстон был одного роста с оппонентом, но чёрные брюки и куртка, богато расшитая серебром, широкий пояс, а главное – тёмно-синяя накидка-плащ с подкладкой цвета бордо – делали фигуру их обладателя гораздо значительнее. Назначение этого плаща Григораш понял уже на борту «Демона» – несмотря на истинно комнатную температуру на борту, после внимательного взгляда на черноту межзвёздного пространства, где ни одна ледяная точка не шевелилась – ему стало настолько холодно, что он совершенно реально ощутил мороз и поёжился. Капитан же этого странного корабля, не больно-то похожего как раз на грузовик, оказывается, заметил это движение и с улыбкой швырнул ему что-то бурое того же покроя, бесцветным голосом заметив, что «понабрал Ормандо зелени себе, хоть бы постыдился малость». Усмешка же Ормандо привела Скайстона в некую запредельную ярость, которой нет названия, и его

два шага вперёд к собеседнику вмиг перепугали всех любопытных наблюдателей не на шутку – всех, кроме Сахая Лестера. Тот значительным прыжком с места покрыл почти всё расстояние, что отделяло его от повздоривших, и, заслоняя своей спиной Скайстона от Ормандо, поспешно начал что-то пояснять лидеру, в результате презрение, которое уже начало показываться у того на лице, сменилось недоумением и досадой, а не в меру шумный гость главной базы остановился в движении, будто окаменевший, и, заметно побледнев, глубоко вздохнул, на пару мгновений прикрыв глаза. Ещё несколько минут все трое о чём-то говорили, заметно сбавив громкость, зрители, коих набралась уже приличная толпа – свыше двух десятков человек, считай, через два часа будут знать все базы республики – расхрабрились и якобы ненарочно приблизились к говорившим, и тут раздался сочный голосок Анжель, вечно он звучал негромко, но так, что все слышат: «А этот парень душка, жаль, что он не работает у нас». Видимо, это послужило последним аккордом, и, когда Лестер примирительно, но с нажимом на собеседников сказал на космолингве – а всё ж не зря он учился на врача в Империи! – «Второго пилота найти будет нелегко, но возможно, граждане» – Григораш совершенно непринуждённо сделал несколько шагов и произнёс: «Второй пилот имеется». Скайстон остался невозмутимым, Ормандо закусил губу, состроив недовольную гримасу, Лестер улыбнулся нарочито радушно – зато Григораш с потаённой радостью услы-

шал общий ах и единственный стон, который мог принадлежать только веселушке Анжель. Он не ошибся – как только в нескольких фразах вопрос о полёте к Лигаполису был решён, Анжель пошла ещё дальше, прилюдно прорвавшись к нему и наградив крепким поцелуем. Наваждение не кончилось и тогда, когда Скайстон, не удостоив этот инцидент никакой эмоцией, буднично отметил: «Хорошо, значит, будет кому желать нам удачи» и кивком приказал следовать за собой. Не кончилось также и тогда, когда столь же буднично капитан «Демона» объяснил, чем и как придётся заниматься в космосе и на Бладене, третьей планете системы Центрум. Да, от этой системы в ужасе шарахались даже вольные торговцы – слишком серьёзные силы нарастил глава нынешней Лиги Несогласных, ведь, по слухам, он затеял настоящую войну против Империи. Сама-то Империя игнорировала этот район уже довольно долго. И, хотя даже сумасброд Томаш сказал бы в этот раз только одно слово: «самоубийство», Григораш совершенно не чувствовал ничего негативного. Даже думать об опасностях не хотел. Разумеется, он немало испугался, увидев мучения капитана во сне, но сейчас, увидев, с какой грацией тот двигается сейчас, едва ли не танцуя на месте, снова погрузился в некое странное, приятное спокойствие – ничего подобного он не ощущал в присутствии лётчиков, стажировавших его ранее.

Темпл хоть и с некоторым трудом, но справился со слабостью, вызванной сонным кошмаром, и почувствовал вдруг

странное желание... Оставив второго пилота бдиль над приборами, он поспешно прошёл в свой личный кабинет. Он, разумеется, был тесен, зато нечего было опасаться, что проберётся стажёр даже в случае смерти капитана – из обычной флэтки через вещевой шкаф забираться куда-либо не очень логично для посторонних. А если заберутся после смерти капитана, не всё ли равно? – с юношеским задором подумалось вдруг. Ну уж нет, не в этот раз – нынче пересекаются интересы слишком многих, так зачем-то вздумал приободрить на прощание Сахай Лестер, вся неизменная весёлость которого куда-то делась. Спасибо ему всё-таки за отличную укомплектовку нынешнего полёта – будь Скайстон офицером имперского флота, на таком небольшом корабле лучшего вооружения и желать было нечего. Этак мы поспорим со штурмовиком типа «Шквал», господа мятежники, и если вдруг случится опоздать, придётся очень удивить вас некоторыми экстравагантными мерами... Не дай Бог опоздать, конечно... Впрочем, будь Темпл офицером Империи, всё было бы и проще, и сложнее. Может быть, не было бы никаких сложностей с палачами в Лигаполисе на Бладене, просто бы женился, как все, и мотался бы по космосу на вполне легитимных основаниях, с удовольствием отдаваясь службе и работе. Темпл мысленно улыбнулся – что бы сказала Джина, случись ему надеть имперский мундир на общих основаниях? Может, тогда бы и Арней Ормандо не смог ей задурить голову своим прекраснотушным словоблудием, уж

врать о всеобщем будущем счастье корпорация жуликов под вывеской «республика» умела всегда. С другой стороны, для портового отребья нет более лакомой добычи, чем мёртвый имперец – сколько их, таких молодых и цветущих, прошло перед его глазами, чтоб кануть в небытие? Вот тогда точно не осталось бы никакого шанса для Джины – интересно, вспоминает ли она его сейчас, или ей уже совсем не до воспоминаний? Стоп, не будем мотать нервы заранее – они ещё нужны. Кстати, а отчего же не попробовать-то? Ведь если придётся погибнуть, Темпл никогда уже и не наденет на себя форму, так, выходит, получается? Не по своей же воле он не смог появиться на защите диплома, стало быть, один-то раз, перед полётом в ад, можно себе позволить то, к чему он стремился всю юность? Да и мальчишка этот, ни разу не летавший в космос как это полагается, должен быть хоть как-то защищён. Решено, рискнём.

Скайстон достал кейс, который всегда лежал на своём месте в самом дальнем углу ящика, однако в случае какого ЧП подлежал эвакуации фактически в самую первую очередь. Кабы портовые разбойники знали, что такая вещь хранится у него, награда за голову Темпла для любого отмороженного уголовника уже была бы фактически объявлена – из спортивного интереса убивать имперских лётчиков, ведь для человекообразных чудовищ нет большего удовольствия, чем добыть и уничтожить как раз то, что было сейчас у него в руках. Раскрыл. Раньше он не позволял себе даже лишний раз тро-

гать руками содержимое. Пять лет прошло с тех пор, как случилось это страшное происшествие на окраине субарского областного центра. Скайстон и сам не понял, отчего он вдруг вмешался – ему казалось, что из инстинктивной безгливости как раз к бандам дегенератов, коих в избытке на любой отдалённой планете. Да, он часто стрелял первым по этим бешеным глазам, потерявшим давно человеческое выражение – и то же самое должен был сделать молодой младший лейтенант, но видимо, он воспитывался в хорошей доброй семье и не привык к подобным действиям, возможно, парнишка попал в эту дыру прямо из столицы и не знал, что с наступлением темноты на улицах начинают хозяйничать даже не люди, а настоящая нечисть в людской оболочке. Но Темпл безнадёжно опоздал – был пропущен всего один выстрел, всего один, но спасти лейтенанту жизнь уже не смогли бы лучшие имперские эскулапы. Что же касается местной полиции, то она немногим отличалась от бандитов, с которыми якобы боролась, и времени уйти, чтобы не быть арестованным за убийство несчастного, у Темпла было всего ничего, однако он не мог просто бросить умирающего. Имперец, правда, не зря ел свой студенческий хлеб, и, оценив ситуацию, приказал нежданному помощнику спасти кейс – именно это и остановило возможную погоню, которая решила, что нападавшим удалось похитить вожелённое для них сокровище. Наверное, пора. Наверное, именно сегодня.

Верхняя походная куртка иерея села как влитая – и ни-

какого головокружения не наступило. Ничего не произошло и когда Скайстон надел на престольный крест поверх епитрахили – разве что появилось какое-то очень спокойное ощущение внутри, где-то на уровне сердца и горла, как будто всплыло что-то крепкое, вроде повышенного уровня защиты. В этот раз даже молиться получилось без какого-либо напряжения. Итак, посмотрим, что нам скажет наш второй пилот, очевидно, не знакомый с правилами межзвёздных перелётов... Во всяком случае он должен знать, что нет лётчиков вне духовенства – и если Ормандо посмел им наврать и здесь, то Темпл бы хотел ещё сильнее вернуться целым из этого нынешнего мероприятия...

Каблуки остроносых полусапог цвета космического мрака стучали по полу когда им самим вздумается, но Темпл ни за что бы не надел другие – от форменных имперских их отличало только отсутствие платиновых виньеток нужной формы. Григораш с удовольствием воспользовался случаем, дабы обернуться на стук – видимо, ему уже пришлось наскучаться на республиканской базе среди таких же молодых нищих беженцев из провинциальной глуши, и он был готов на что угодно, лишь бы покинуть это унылое место, где даже стены нагоняли смертную тоску, во всяком случае, именно так воспринимал бежевые тона пустых коридоров пониженной комфортности сам капитан «Демона». Тем более, что капитан то оставлял освещение на борту своего корабля меняться само собой по заданной лирической программе, то

включал настройку пободрее, да и ни одной из композиций, которые за сутки ненавязчиво и мелодично звучали в рубке, наследник семьи Дракулеску не слышал ни разу в жизни – они очень выгодно отличались от бравурных наигрышей, которые гремели на летучей территории республики.

То, что увидел Григораш, сначала вызвало ощущение прямого попадания молнии, а потом – безотчётного восхищения и радости. Стало быть, бабкины рассказы – не байки, и настоящие пилоты и должны быть такими в форме для богослужения – как будто, действительно, вживую солнце в тёплый летний день. Дракулеску вскочил как ошпаренный, истово вытянулся в струну для приветствия – так учили на базе встречать командующего, потом, осознав, что сделанное – просто ничтожная мелочь перед тем, что он видит перед собой сейчас, – просто сделал пару шагов к капитану и грохнулся на колени, схватив руку Скайстона и прижав к своему лбу. Темпл, не ожидавший подобной искренности, позволил себе осторожно и глубоко вздохнуть, пережидая те несколько секунд, которые понадобились стажёру, чтоб немного унять свой восторг. Это позволило ему сохранить спокойствие тогда, когда стажёр молча поднял на него глаза, полные искреннего счастья.

– Впервые? – участливо поинтересовался капитан, и, когда стажёр молча хлопнул ресницами в ответ в знак согласия, добавил. – Бывает. Отслужим тогда полную, как положено, – как ни странно, у него получились сохранить невоз-

мутимость, хотя про себя он прибавил: «Может быть, она будет и последней у нас».

Ну и как не стыдно было Томашу врать что-то про жуткий запах благовоний и ужасные галлюцинации? Наверное, он сам болтал чьи-то чужие досужие выдумки – так хорошо, как сейчас, Григораш ещё в жизни себя не чувствовал. Даже сравнить не с чем – эта радость была абсолютно ни на что не похожа. А ещё появилось отчётливое знание того, что уже теперь всё точно будет в порядке – и совершенно напрасно капитан украдкой хмурится и терзается, опасаясь неудачи или опоздания. Или он забыл, что в Лиге никто не отменял три дня беспробудной гулянки по случаю дня рождения её амбициозного главы? Как раз укладываемся по срокам – а накануне войны авралить перед выходными дураков нет и не будет, это же очевидно. Да тут ещё и праздники сразу – и сколько бы подтянутый и деловой Генрих Стремительный не пыжился, призывая к железной дисциплине и прочая, на деле всё воинство и иже с ним будет очень бурно веселиться на местах, манкируя всё, что относится к обязанностям на работе.

Да и еда у капитана на борту – первый сорт, вне всякого сомнения. Ничего подобного не приходилось пробовать раньше – хотя на базе Григораш с тоской вспоминал домашнюю кухню. Тогда ему, правда, казалась осточертевшей резаная леской мамалыга и ужасными лепёшки, стряпанные

на металлическом листе, нагреваемом открытым пламенем – но в республиканской раздаточной пришлось понять, что стоило бы ценить то, что имеешь... Капитан с вялым интересом выспрашивал все эти подробности – вероятно, он искал способ отвлечься от своих мыслей, и наконец любопытствовал, что такого выдавали рядовому составу у Ормандо. Наверное, это оттого, что слишком забавно было наблюдать, как Григораш активно уплетает резаное мясо – а ведь старался напустить на себя серьёзность, эх... Плитка так и валялась во внутреннем кармане комба – хотя она была столь безвкусна, что никто даже смертельно голодный не мог съесть её всю сразу, поэтому курсанты оставляли этот провиант «на вечер», чтобы было легче заснуть, пожевав перед этим нечто питательное, но расставаться с ней накануне полёта не хотелось. Совершенно опьянев от уже съеденного великолепия – в то время как капитан дал понять, что трапезничать они только начали – Григораш без всякого сожаления достал свой запас и протянул его командиру. Тот автоматическим движением поменял плитку на что-то похожей формы, в блестящей обёртке, прежде, чем стажёр успел что-то сказать, и взялся рассматривать пачку, которую солдаты республики получали на обед – и в конечном счёте, ничего не поняв, порвал упаковку с глянцевыми символами свободы, равенства и братства. Последнее Григораш вообще не увидел – он наконец разобрал мелкий шрифт на упаковке того, что вручил ему его нынешний начальник, четвёртый эсперанто

Золотого сектора на курсах давали лишь ознакомительно – а после, осознав, что получил имперский флотский шоколад, почувствовал заметное головокружение... У него на родине человек, пробовавший легендарный паёк имперских лётчиков, был чем-то вроде бесценной реликвии, а уж иметь такое в своей собственности... Одержимый благоговением, Дракулеску спрятал сокровище и лишь затем восхищённо посмотрел на своего благодетеля.

А тот сидел неподвижно, внимательно глядя на то, что открылось его взору под упаковкой республиканского пайка, будто отчего-то остолбеневший, и уже потемнел, словно грозовая туча над заснеженными скалами. Прежде, чем стажёр успел вежливо поинтересоваться, что не так, Скайстон, тяжело и глубоко вздыхая, проговорил спокойным голосом, в котором, правда, без труда угадывались как раз раскаты грома:

– Значит, это основное блюдо сторонников республики?

Григораш подтвердил, гадая про себя, чем же недоволен командир – ведь вроде бы придраться не к чему, свои жетоны для раздатки он подарил перед отправкой Анжель и Томашу, а те пообещали помнить его, если он не вернётся. Капитан задал ещё кучу уточняющих вопросов касаясь рациона рядового республиканца, а на фразу «временные трудности» скривился от гнева так, что смотреть на него стало боязно. После чего, решив ответить на растерянность собеседника, резко откинулся в кресле на спину, вытянув ноги перед со-

бой, и, сложив руки на груди, столь сильно сжал кулаки, что стало понятно, что Скайстон просто намеренно давит в себе вспышку ярости, для которой вполне естественно было бы активно побушевать во всём предоставленном объёме пространства минут этак десять.

– Сейчас поясню, – ровно сказал он стажёру. – Я ведь в курсе кой-каких торговых связей республики, ведь грубо говоря, контрабандисты обязаны знать друг друга. А тебе вот приходилось заниматься выращиванием пищевого скота?

– Это не у нас, этим занимаются богачи на экваторе, – охотно взялся объяснять тот. – Но вообще я знаю, как это делается. Только вот это очень редкая удача – наняться в батраки к фермерам, некоторые ждут такой возможности многие годы...

Скайстон перебил с язвительной усмешкой:

– И вот тут с неба сваливаются республиканские агенты, да? Так я и знал.

Дракулеску молча кивнул. Рассказывать, как радовались у них в селении роскошным бижу для женщин, из-за которых порой случалась форменная драка после отлёта корабля сторонников Ормандо, с какой гордостью смотрела на него родная мать, когда его признали нужным армии, и об отчаянии младших сыновей соседа, которых не признали, вдруг расхотелось. Тем более, что появилось необъяснимое чувство, что капитан и вправду знает эти вещи откуда-то сам. Скайстон стиснул зубы, однако сдавленный стон всё-таки за-

глушить не удалось, и он стремительно сложился в кресле, подогнув колени под себя и прикрыв ладонями лицо.

– Боже, какая же он дрянь, какая дрянь, – едва слышно шептал Темпл себе под нос, но Григораш был достаточно близко, чтоб слышать, и это, видимо, ещё больше угнетало Скайстона, – сам-то жрёт, как губернатор в Платиновом секторе, и ещё сорокалетнее с Ошена хлещет... Кто ж мне теперь поверит, если мы вернёмся?

Дракулеску решил не мешать капитану и молча сжевал ещё несколько кусков, погрузившись в непривычную для себя задумчивость. Затем прикончил содержимое тубы с горячим кофе, насыщенным вкусами незнакомых пряностей, и тут его мозг пронзила догадка. Скайстон, опрокинув в себя что-то явно покрепче, сидел не шевелясь мрачнее тучи и с полностью отсутствующим взглядом, очевидно, дожидаясь, когда сможет наконец успокоиться. Чтобы привлечь его внимание, Григораш не торопясь поднялся во весь рост:

– Капитан, прошу прощения, но что Вы обнаружили в моём пайке? – Темпл лишь молча отмахнулся и потрянул головой, однако стажёра это уже не смущало. – Простите, но я уже хочу знать. Это что, комбикорм для животных, которые идут на мясо, стало быть?

Скайстон против всякого ожидания ответил каким-то взглядом затравленного зверя, затем, быстро овладев собой, кивнул.

– В Империи этим кормят свиней, – угрюмо сказал он. –

Мне очень жаль, что приходится тебе это говорить. Сядь и выпей вот, мы хоть и не в Империи ни разу, но сейчас это тебе в самый аккурат. Если мы вернёмся целыми с Бладена, то я хотя бы буду рад, что сдёрнул тебя с такой диеты.

Дракулеску выполнил указание с удовольствием и даже обрадовался – оказывается, капитан чужд жёсткому формализму известных ему начальников, и оттого решил рискнуть ещё раз...

– Капитан, а отчего Вы так не уверены, что мы вернёмся? Лично мне терять, по сути, нечего, а Вы всё-таки свою даму летите выручать, так что всё должно быть благополучно.

Что ж, хорошо, что успел понервничать по другому поводу, решил про себя Скайстон, хоть можно делать вид, будто не получил ещё одной виртуальной пощечины, что-то мироздание нынче на них расщедрилось... Сначала Сахай Лестер счёл нужным показать Темплу видео, как его Джина отхаживала после стенда, сопроводив это якобы будничными замечаниями о том, что равнодушная женщина ничего подобного никогда делать не будет и гадко сообщив, что не имел у неё успеха после отлёта Скайстона из Лигаполиса, потом были ещё более мерзкие намёки Арнея Ормандо, которому, в сущности, на всё это плевать, в отличие от Лестера, теперь ещё и этот провинциал туда же – а значит, болтают гадости уже всей своей республиканской агитбандой... То-то будет веселья, видимо, если полёт окажется неудачным, а если всё получится, веселиться будут и того хлеще. Ах,

как же неудачно всё же был выбран курс однажды – но что поделывать теперь? Ведь «Демон» пострадал от залпа мятежников, надо было дотянуть, а рассчитывать на имперцев с его биографией Скайстону не приходилось. Да ещё и кхарги... А не шло бы всё к чёрту, вот только раздам долги, и всё...

– Заблуждаешься, стажёр, терять всегда есть, что, – услышал Темпл свой безразличный к окружающему голос и порадовался, что он настолько уже равнодушен ко всему, – это лишь иллюзия всегда, будто хуже быть не может, учти, что может, и намного. А я для Оранты вовсе не кавалер, да и вообще я ей никто. И никогда не был, кстати. Не сообщишь мне, кто болтает про меня подобные вещи?

Григораш удивился совершенно искренне:

– Но Вы же сами дали всем повод этой нашей экспедицией! Это же очевидно для всех!

Скайстон бесцветно усмехнулся. Похоже, Лестер и вправду не болтал лишнего. Уже лучше.

– Итак, если я решил выручить из беды знакомую, значит, я обязательно её любовник? Ну и логика тут, в провинции! Или это вас ваша «Надежда республики» этому учит, а? Сам-то он часто к дамам в часы отдыха заходит или ленится заниматься этим мелкобуржуазным делом?

Григораш смутился. Он вдруг понял, что атмосфера, царившая среди курсантов и наставников, вовсе не предполагала такой вещи, как официальная женитьба, и вспомнил, что дома такое очень бы не одобрили...

– Прощу прощения, капитан, похоже, мне в голову ударило, вот я и болтаю чепуху. Что касается лидера, то за амурными делами он вообще не замечен. Говорят, он хранит верность какой-то погибшей даме, только и всего. Простите меня, пожалуйста.

Скайстон, видимо, хотел рассмеяться, но передумал и сказал вполне уравновешенно:

– Ну, раз ты уже сболтнул что хотел, то придётся сказать тебе правду, не то ты решишь, что я просто собираюсь отрицать то, что мне так удачно приписали, чего и ждать от такой публики. Я обязан леди Оранте жизнью и не единожды – однако она помогала мне не с целью затащить меня в постель, а просто потому, что могла помочь в данный момент. Я вообще познакомился с ней однажды, когда меня киллеры расстреливали – и когда спросил её о мотивах, она ответила, что с её точки зрения очень нечестно нападать всемером на одного. Вот и всё. И с моей стороны было бы подло не попытаться помочь ей сейчас – когда ваш лидер, подставив её, сбежал в кусты. Надеюсь, теперь понятно?

Григораш почувствовал себя очень мерзко. Помолчав, он спросил сокрушённым тоном:

– Леди Оранта родом из Империи?

Скайстон молча кивнул и вернулся к еде.

– Стало быть, она и Ормандо помогла из каких-то подобных соображений, – произнёс Дракулеску, не осознавая, что думает вслух. – а вовсе не из-за слишком личных мотивов.

Бабка говорила, что в Империи женятся один раз, капитан, это правда?

Темпл ответил в прежнем тоне, хотя это и стоило ему ещё некоторых усилий:

– Это венчаются один раз. Хотя, конечно, не особо торопятся со свадьбами вообще. Но кто-то начинает семейную жизнь после венчания, а кто-то предпочитает пройти несколько стадий брака до венчания, которое может и не состояться, у всех всё по-разному. Это-то тебе зачем сейчас понадобилось?

Дракулеску молча встал, подошёл так, чтоб было удобно приложиться к правой руке своего командира, и грохнулся на оба колена, так что отвести взгляд от его глаз было уже затруднительно:

– У меня к Вам просьба, капитан.

– Встань сначала, – фыркнул Темпл, радуясь про себя, что не последовало расспросов, почему он сам не женат, к примеру.

– Сначала изложу, – очень серьёзно сказал стажёр, не подчиняясь указанию.

Скайстон хотел было возмутиться, и дежурное «какого чёрта...» уже наворачивалось на язык, но что-то в слишком искренних сейчас глазах этого юноши ему помешало.

– Ну, и? – нахмурившись для вида, поспешил спросить он. Дракулеску выдохнул почти с мольбой:

– Капитан, окрестите меня. Пока не прилетели. Я не бо-

юсь, просто так надо. Пожалуйста, Вы же можете.

Скайстон едва не дёрнулся всем телом от неожиданности и позволил себе запрокинуть голову вверх, прикрыв глаза.

– Понял, вставай. Будет по-твоему, только сперва закончим с ужином.

II

Хоть раз сон без сновидений, будто чернота, пожравшая время. Ничего приятного, но даже это сейчас радует. Интересно, эта нервотрёпка когда-нибудь закончится, или проще застрелиться? Так, судя по браслету, времени уже почти не осталось, и через какие-нибудь полчаса мы уже займёмся весёлым делом – отдачей долга распроклятому Лигаполису. И отчего же, всё-таки, понадобилось тащить меня туда в своё время? Почему нельзя было разобраться сразу на месте, или же мятежники придумали что-то ещё вместе с кхаргами? Вот уж кого нежелательно встретить там, на планете – этак сил организма может и не хватить, если атакуют втроём, например... Ладно, никогда не садился на стимуляторы, но сейчас быть таким щепетильным уже смысла нет. Тем более, что всё будет бессмысленно, если всё же опоздал. Выжив, отомстить? Да я устал уже, всю жизнь только и делаю, что выживаю, непонятно только, ради чего. Стоп, не истерить, всё узнаем по прибытии, а после будут некогда психовать – ну разве не замечательно... Да ни разу не замечательно – вот кабы пришлось подраться с самим Генрихом Стремительным – ишь, развёл у себя корпус живо-дёров да вовсе нечеловеческих чудовищ, или хотя бы отплатить Эдварду Рокку за его подленький удар снотворной иглой, может быть, и было бы интересно. Вот если поду-

мать, с каким лицом можно показаться Джине? «Большое спасибо за спасение моей никчёмной жизни, которая никому не нужна»? Ага, вспоминайте иногда бедного студента... Эх, мне бы уверенность этого мальчишки – дескать, всё получится. Надо же, даже инструкции про ментальные атаки кхаргов его несколько не напугали. Интересно, а я до того кошмарного случая перед защитой диплома был таким же спокойным, пока не потерял голос? Не знаю уже даже, слишком сильно меня размазали. Нашёл, что вспомнить, конечно, придурок. Ладно, отложим. Что бы не случилось на Бладене, есть ещё вопросик к Ормандо, и не один – стало быть, смысл вовсе не потерян, просто я сильно устал опять. Рискнём, поставим накачку на максимум – даже если потом будут ломки, главное сейчас выполнить текущую задачу.

Стажёр был едва ли не в восторге – и всё из-за того, что бронекомб полной защиты ему пришлось надевать не на учебном занятии, а полифункционал ему достался автоматический... Темпл честно не помнил за собой подобного энтузиазма – хотя как знать, если мальчишка всерьёз не видит разницы между нынешним предприятием и реальной работой... хотя откуда ему знать, если не учился по нормальной программе, вечно Темпл путает со своей практикой на имперском крейсере. Однако не больно-то удобно в полной защите, пожалуй, ему самому стоит ограничиться облегчённый комбом классической защиты, иначе бегать будет тяжело, особенно в лендкрассах для пустыни – а что, если

натянуть их просто поверх сапог? Точно, тогда не придётся бояться, что щиколотки подведут или подвернутся – что-то нынче давние травмы слишком дают себя знать, а это при-
скорбно. Да и без плаща отвык уже ходить – тоже плохой симптом, говорил же старый учитель на каторге: «не застёгивай надолго все пуговицы на мундире, а то верхняя тебя задушит». В молодости такая метафора вызвала у Скайсто-
на лишь недоумение – как можно показаться невзрослым? – а сейчас, кажется, пришла пора осознать, что это всё на де-
ле значит. Ах, я же не виноват, что негде по сей день расстё-
гивать пуговицу даже, не то, чтоб раздеться разок... Хоро-
шо хоть, пояс вполне себе помещается поверх комба – ну, и остальное всё вполне себе нормально подгоняется, поряд-
ок со всеми застёжками. Возьмём ещё четыре набора лез-
вий с шуриками – могут пригодиться вполне. Чуть не забыл –
повязочку через лоб, ту самую, тёмно-синюю с золотыми
крестами, и пусть себе думают что хотят, когда будут разгля-
дывать с мониторов – а ведь обязательно какая-нибудь сво-
лочь успеет опознать и сообщить, куда надо. Умудрились же
вычислить Саймона Флэша в этом кошмаре на Урбанетто –
хотя у них там не только все системы, кроме аварийной, за-
клинило, но и аварийная только красным светом помигива-
ла... Стоп, это тоже сейчас вспоминать запрещается – иначе
срыв неминуем. Ну, всё, теперь быстро на мостик, прибыва-
ем к Бладену, к проклятому месту.

Стажёр следил за капитаном с восхищением – мало то-

го, что «Демон» вышел не на краю системы, так ещё и объявился с ночной стороны планеты. Прямо по курсу буроватый осколок планеты, укутанный в белые пятна облаков, заслонял собой пожар белого солнца Центрум. Картина пропала на долю секунды, снова появилась, чуть покрытая матовым блеском, и тут «Демон» пустился вихлять и кувыркаться, подчиняясь чётким движениям рук Скайстона, которому как будто вовсе не мешали перчатки. Внимательно следя за обстановкой, Дракулеску видел, что придраться не к чему – он если и нужен, то скорее для порядка. И, хотя корабль выдавал крены по 2, а то и 5 жи, хладнокровное поведение Скайстона себя оправдало – незамеченный планетными радарам, «Демон» проскочил с ночной стороны на дневную, тихо проплыл над безжизненными скалами, обрамлявшими пустыню где-то на двадцатой широте, и осторожно приземлился среди жёлто-красных песчаных дюн. Застыл на посадочных опорах, как взъерошенная громадная сталепластовая птица. Здесь уже был ранний вечер – хотя до заката, по всей видимости, было полновесных два часа по эталонному времени. Дракулеску помнил, что на этой планете сутки составляют полтора эталона – и вдруг обмер, поняв, что обычному человеку, попавшему сюда с эталонным расписанием, каждые местные сутки будут казаться нескончаемыми, ведь составь они два эталона, было бы легко приспособиться. Да уж, вполне задорное начало для преисподней – и если ещё учесть, но на этой широте плюс близость пустыни зори и пол-

день должны быть буро-красными, да и наверняка пластыри антибактериальной защиты при полуденной жаре должны просто плавиться, а антиаллерген высыхать, да ещё ядовитая пустынная фауна... Да, милое местечко выбрала Лига на расквартировку, что и говорить. Неудивительно, что даже аристократ, разоблачивший лже-леди Оранту, сподобился прибыть сюда лично через столько месяцев – и то лишь по настойчивому приглашению Генриха Фолькенау, фактического диктатора на территории Лиги Несогласных.

Дальше думать было некогда – Темпл молча вскочил и правой рукой приказал следовать за собой, и после он двигался едва ли не бегом. Лендер уже стоял у края открытой аппарели, Скайстон с грацией дикого зверя запрыгнул на сиденье водителя. Григораш не заставил себя ждать, оба гостя Бладена захлопнули на себе защитные шлемы, и лендер рванул с места.

Трудно сказать, был ли Скайстон когда-либо чем-то вроде автогонщика – но, во всяком случае, точно не уступал в мастерстве подобным специалистам. Дюны едва не сливались в сплошной поток, а в сиденье на старте пришлось впечататься весьма ощутимо. Довольно быстро, через какие-то десять эталонных минут, впереди возник и начал стремительно расти белый тубус хвоста окраины Лигаполиса – Дракулеску видел сверху, что этот хвост должен напоминать форму настоящего хвоста некой хищной рептилии или насекомого, и именно с хвоста и расположена особистская тюрьма,

в которой размещали разных интересных Лиге узников. Поди, Лига очень недовольна, что её дурили чуть ли не год, вот только места ли у них тут мало, либо просто привыкли к казарменной тесноте – располагать такое заведение почти прямо на окраине города, скажем, имперцам бы в голову никогда не пришло. Они бы уж точно если и строили всё на одной планете, то уж наверняка растащили бы такое как можно дальше. Кроме того, когда громада огромного одинокого серого здания наконец выросла в полный двадцатипятиэтажный рост, оказалось, что у него фактически нет окон. Ненужная роскошь разве? может, они ещё и с пластмассовой посуды тоже едят? Дюны заканчивались метрах в пятидесяти от этого унылого монумента мятежной мысли, похожего на покосившуюся коробку из-под сублимированных концентратов. Лендер лихо припарковался в мутной тени одной из них. Оба пассажира быстро выбрались из него, будто соревновались в скорости.

Скайстон быстро достал из походной сумки нечто плоское с ежом мелких антеннок, прилепил на борт лендера и дал знак следовать за собой. Торопился он очень заметно, хотя внешне это выражалось всего лишь в повышенной быстроте движений. Так, выполняя указание идти следом, Григораш отстал сразу же метров на пятнадцать, хотя вроде бы сильно и не мешкал. В результате он увидел впереди себя некий образчик пустынной фауны, похожий на рогатого ящера размером с лендер. Лендер же вообще исчез из вида, будто и не бы-

ло его возле песчаной стены. Хмыкнув про себя, Дракулеску понял, что и сам сейчас со стороны кажется таким же ящером, и сосредоточился на том, чтобы не отставать от командира.

До стены дошли без приключений. Ни воя сирен, ни вырастающих из-под песка препятствий, ни пальбы сверху – не то Лига празднует на всю катушку, не то здесь просто не ожидают никаких гостей в принципе. Правда, это проклятое белое солнце, заливавшее слепящим светом всё вокруг, помешало вовремя увидеть, чем занят командир – а он уже шарил по гладкой поверхности актобетона сканером, и через несколько секунд иллюзия растяла, ящер исчез. Зато пара створок вдруг распахнулась изнутри – но лишь для того, чтоб впустить внутрь выстрел из полифункционала Скай-стона. Зелёный комок искр резво влетел в некое помещение и исчез из вида навсегда. Выждав «три кивка», выражаясь сленгом штурмовиков, Темпл прыгнул следом в чёрный провал. Дракулеску ждать ничего не стал – в помещении наверняка не такой резкий свет, как снаружи – но последовал за командиром без особой спешки.

Неширокий белесый коридор, пол идёт на уклон градусов двадцать, автоосвещение из потолочных панелей – понятно, или аварийный выход или воздушный шлюз. Темпл уже промахал всю длину и замер у закрытой пластины, служившей дверью-перегородкой, что-то настраивая на панели оружия. Но прежде, чем стажёр успел подойти, капитан шарахнул ку-

лаком по дверному сенсору на стене, и она быстро вмялась в стену. Скайстон мощным прыжком влетел в проём, исчез внутри. Дракулеску поспешил следом за ним.

Не очень просторное помещение поста безопасности, квадратов на тридцать-сорок. Оборудование лениво светит себе по периметру, посреди на полу валяются трое солдат Лиги – они даже не успели выронить из рук карты, бутылки весело выстроились рядом во внушительную батарею, на которой лихо висят все три серых кепи с блестящими вензелями виктории-победы. Один из солдат так и остался сидеть, скрестив ноги, с расшнурованным ботинком от колена, как будто жара и сюда добралась. Серые мешковатые шаровары и куртки с пурпурной бархатной полосой по левой стороне борта – а их обладатели даже не успели доесть что-то из глянцевого пакета – унылое зрелище, решил Григораш. Он не спеша прошёл мимо и занял позицию у входа сюда – на случай, если кого принесут черти невовремя, а уж насчёт того, что гостей сейчас пока наблюдать некому, можно было не волноваться, учитывая, чем солдаты тут занимались, когда их настиг плазменный шокер. Скайстон уже сидел за главным компьютером и старательно шарил по нужным ему спискам и схемам – похоже, он хорошо знал, что делает. На его перчатках вызывающе поблёскивали шурики – словно поджидая свою цель, один такой блеск – и лезвие можно будет остановить только теоретически.

Возможно, капитану эти семь ничего не представлявших

из себя минут и показались успешно за семь лет, но Григораш ощущал себя совершенно спокойно. Он проверил обзорные экраны, показывавшие унылую пустыню, коридоры без всяких признаков патрулей или гостей, отключил «мягкими» иголками солдат, уснувших навсегда за весёлой пирушкой – тоже без особенных эмоций, как будто это были просто вещи, настроил обзорные видеокамеры на импульсные пакеты – хотя сейчас они вроде бы и передавали одно и то же изображение с коридоров в накопитель, при появлении там ещё чего-то будет сложно сразу разобрать, что же это такое и куда движется. Подготовил имитатор на излучение голограммы с изображением солдата Лиги и приготовился двигаться дальше.

Скайстону же и впрямь эти минуты дались тяжело. Найти камеру с арестованной лже-принцессой труда не составило – но не было никаких данных, поясняющих статус узницы. Кроме того, камера, словно по злой насмешке невесть кого, оказалась той же самой, в которой он сам несколько тупых месяцев назад мечтал о смерти, как о спасении. Всего-то пять допросов в жёстком режиме, какая мелочь с точки зрения тех, для кого эти слова – пустой звук, например, для Арнея Ормандо, который, говорят, даже к обзорным экранам кораблей не подходил никогда. И каждый раз – провал туда, откуда не возвращаются. Значит, сам Скайстон, судя по данным компьютера, украденным Сахаем Лестером, окончательно потерялся на пятый раз, когда со стенда сня-

ли только тело. Девушке, надо полагать, одного раза хватит за глаза – но палачам-то факт не хватит. Темпл ещё помнит тот странный сон, где услышал, что его позвали по имени – как он теперь понимает, вовсе не сон, да, но что же эти чёртовы прислужники успели сделать с Джиной? Что ж, даже если ему и достанется только тело – как ни ужасно это осознавать, но хотя бы это улика, от которой не отмахнёшься. Неужели всё зря и Темпл так и не встретится с той, которую он ни разу даже не поцеловал? Что эти уроды посмели там себе вообразить – что он будет спать с той, что спасла ему жизнь, просто потому, что она жила как-то на его корабле? А потом будут хохотать, узнав, что он не успел ни спасти её, ни толком отомстить? Что ещё может означать это «данных нет»? Ладно, на нет и суда нет, придётся делать, что возможно...

Дракулеску этот скоростной забег по коридорам и лестницам показался даже забавным – как по заказу, они все были пустынными и никого встретить не довелось. Поэтому он вполне непринуждённо занял пост охранника у нужной им камеры и невозмутимо просматривал сканер системы слежения – внутри голограммы можно было не опасаться, что эту меру предосторожности заметят случайные наблюдатели и сделают надлежащие выводы. Скайстон всё же нервничал достаточно, и хотя открыть вход в камеру труда не составило – она спокойно открылась после набора нужного кода и не потребовала ломать замок – заметно дёрнулся всем те-

лом, прежде чем исчез внутри. Григораш спокойно остался ждать его.

Скайстон же чувствовал себя так, будто совершил прыжок в открытое пламя без одежды, даже ощутил на долю секунды некое оранжевое зарево в глазах. Этот проклятый потолок на дюйм выше роста, серая коробка в шесть шагов на три... Белое, как солнце Центрума, пятно в потолке – как раз над головой, когда лежишь. А когда упираешься спиной в стену, светит прямо сквозь закрытые веки. Неудивительно, что роскошные волосы Джины почти полностью лежат у неё на лице – она хоть и чистокровная шатенка, но огненный оттенок в этом великолепии, что на свободе свисают чуть ниже пояса, виден и сейчас. Лежит на спине, руки едва ли не крестом – ага, да эти наручники утяжелённые, возможно, ещё и притяжение на них прикручено до отказа, поэтому приходится держать их как можно дальше, эти два пятикиллограммовых браслета на якобы свободных руках. Да уж, если они схлопнутся – растащить их не сможет даже бесноватый. Темпл пока возился с ними, нечаянно сбил регулятор своего имитатора, отключив его. Неважно. Важно разве что то, что бирюзовый комби-коктейль и щегольские туфли на шпильках Джина могла носить разве что на приём, где её и вычислил заезжий гость, стало быть, она здесь оттуда, только накидку, ясное дело, с неё сорвали и порвали. Итак, обе руки, либо одна – но минус полкорпуса – будут заняты сейчас, эх, тогда имитатор просто бесполезен, не скроет ношу. Тогда и шлем

мой толком сейчас не нужен, только мешает, долой. Дурак же этот отпрыск аристократии, мог бы и польститься на такую фигуру, как у Джины. Принципы, видите ли, да видел ли он её лицо-то толком, снобище?

Темпл осторожно снял пышные пряди с лица девушки – он помнил, как однажды, вдребезги уставший, спрятал в них лицо и уснул – это было год назад, целую вечность, после того, как еле уцелел после ментальной атаки кхарга. Это было её лицо – высокий открытый лоб, густые ровные брови, сходящиеся к переносице, прямой нос, ровные щёки и подбородок, сочные крепкие губы. Только через лоб две острых морщинки, под глазами – тёмные тени, губы тронуты трещинками, а длинные густые ресницы не шелохнулись от яркого света. Жива ли – ну, в том смысле, в каком мы ждём, что человек жив? Снимать перчатки решительно некогда, и Скайстон осторожно приподнял свою драгоценность за плечи и тронул губами артерию на шее. Здесь порядок, но раз держала руки крестом, значит, в сознании была? Может, есть ещё шанс?

– Джина! – настойчиво позвал он. – Джина, услышь меня, пожалуйста. Это я, Темпл.

Дышит ровнее – точнее, уже заметно, что дышит. Ладно, это уже результат, тогда завернём-ка её в лёгкий комб пока – если грохнут меня, то хотя бы этот мальчишка её дотащит спокойно, а без этой оплётки и лендкроссов дело дрянь, нахватается местного воздуха с микрофлорой и махом увя-

нет, прежде чем долетим куда бы то ни было. В идеале надо было бы и шлем на неё тогда надеть, но эти волосы волной, да ещё и не наденешь на человека без сознания шлемом... Темпл глянул на лицо своей подопечной и оцепенел. Глаза девушки, эти большие бездонные зелёные глаза, были открыты. Они смотрели на него, но что они видели – за это никто бы не поручился. Бояться просто было уже некогда, и Темпл снова позвал, почти с мольбой:

– Джина, ты меня видишь? Это я, Темпл, я за тобой пришёл. Джина!

Где-то в позвоночнике что-то щёлкнуло, и Скайстон услышал вновь ту фразу, что казалась ему довольно долго только бредом перегруженного мозга: «Так его имя вовсе не Саймон Флэш, потому он вас и не слышит». Слышит ли его сейчас Джина? Или он ей сейчас кажется неким размытым пятном или вовсе чудовищем? Нет, ну что за пытка...

– Темпл, – едва слышно, но внятно прозвучал знакомый мягкий голос, – ты здесь? – ресницы пару раз хлопнули и остановились, но глаза так и не поменяли выражения. – Это точно ты?

Скайстон не сразу понял, что застонал сквозь зубы. Если Джина его не видит, дело совсем скверно. Не велика будет радость найти её, только чтоб умерла в его руках – и что после всего, дёшево стреляться? Что за мучение!

– Джина, я вернулся, я заберу тебя отсюда, ты только держись за меня, хорошо? – плохо понимая, что говорит, Скай-

стон смотрел в её глаза, надеясь увидеть там перемену к лучшему. Бесполезно. Однако руки девушки скользнули вверх и остановились на его предплечьях. Она вымученно выдохнула.

– Темпл, подними меня, не получается. Я не вижу тебя.

Скайстон со сдавленным стоном повиновался и осторожно поднял её, обнимая за плечи – девушка плавно потянула ноги, сгибая их в коленях. Теперь она почти самостоятельно уселась, опираясь полностью на него руки и прижавшись корпусом к нему, а он так и остался стоять на коленях. Глубоко вздохнув, Джина вдруг сделала резкое движение и правой рукой схватила его за волосы. Из-за этого он неосознанно приблизился лицом к её глазам почти вплотную.

– Вроде он, – задумчиво произнесла бывшая принцесса. – Темпл, скажи ещё что-нибудь, пожалуйста.

В груди натурально саднило, и Скайстон стряхнул с себя этот кошмар.

– Некогда особо говорить, сейчас двинем бегом до «Демона», там придёшь в себя. Идти сможешь или мне нести тебя?

– Поставь меня на ноги, проверим, – Джина будто случайно прижалась переносицей к его шее...

Это получилось без особого труда, но Скайстон заметил, что девушка и не собирается размыкать объятия. Пожалуй, она права, мелькнула мысль. Если нас пристрелят на выходе, к примеру, всё будет зря. Что это с её глазами? Блестят? Этого ещё не хватало, а ведь я и не подумал даже. Ладно,

рискнём, а то ещё вот как не будет больше ни разу такой возможности, и буду я идиотом в её же глазах... Темпл прижал к себе свою драгоценность покрепче и припечатал её губы крепким поцелуем. Тут же захмелел, ощутив ответ. Да такой, что сомневаться в успехе затеянного предприятия Темпл перестал – даже если лететь пришлось только за этим, то жизнь была прожита не зря, сколь бы мало её не оставалось уже...

– Ты всё ещё сомневаешься, что это я? – с озорной усмешкой проговорил Скайстон. – Как только мы выберемся отсюда, я смогу доказать это пожёстче! А пока дай-ка я на тебя шлем одену, там снаружи погода дрянь.

– Теперь нет, – девушка говорила спокойно, но вымученно, как человек, отходящий от наркоза. – Идти смогу, но придётся тебе вести, так что командуй сам.

– Джина, не бойся, мы выберемся, оба, – неизвестно откуда взявшаяся уверенность в голосе Темпла была сейчас очень кстати. – Я останусь с тобой, – она молча кивнула, но Скайстон уже успел справиться с её волосами и шлемом, крепко взял её за локоть и осторожно повёл за собой.

Имитатор всё-таки сгодился. Григораш невозмутимо тронулся впереди, настроив полифункционал на обычный режим. Так удалось пройти около половины пути, и Скайстон спиной и грудью ощутил опасность. Рефлекс снова не подвёл, Темпл будто не глядя обернулся, и выстрел пришёлся как раз по бурой фигуре в остроконечном балахоне футов четырёх ростом, ещё один, ещё два. Похоже, вся группа –

кровь у кхаргов мерзкого жёлтого цвета, но если бы остался ещё один, то в голове бы рвануло так, что тяжёлый обморок был бы обеспечен. Дракулеску не обернулся сразу, молодец, помнит инструкции, это тоже оказалось кстати – шесть таких же фигур обозначилось впереди, ближе к концу коридора, и тут заговорил уже полифункционал стажёра – похоже, стендовая стрельба у него была на уровне, капитану не пришлось вмешиваться.

Скайстон был рад, что Джина не видит этой паскудной жёлтой слизи, к тому же источавшей мерзкий запах, и аккуратно провёл её между телами в сплошных балахонах. Союзнички Лиги, стало быть, всю резвятся на территории тюрьмы – страшно даже подумать, сколько людей они успели высосать за сегодня, пока мятежники справляют свои праздники. Темпл прекрасно помнил этот кошмар – когда кхарг напал на него, разумеется, со спины, нательный крест вмиг раскалился так, что оставил ожог на коже. Эти ужасные приступы резкой боли во всём теле, удушье – никакой гарантии, что он смог бы справиться один, и если бы не реакция Джины тогда, скорее всего, чудовище победило бы. Оставили ли они вообще кого-то здесь, не превратив в пустое тело либо в биоробота? А ведь когда Темпл сам был арестантом в этом проклятом месте, никакие кхарги его не навещали. Да и безопасники, снявшие его со стенда, ничего не знали толком об этих «мудрых советниках». Ну и дела... Сами-то офицеры Лиги представляют, с чем имеют дело? Или они уже сами кхарги,

но пока в человеческом обличье? Скайстон вспомнил, как его самого без всякой причины взялся избивать дежурный квестор – а Эдвард Рокк, похоже, ничуть не удивился, хотя сам был вовсе не из сброда Ормандо, а в прошлом кадровый имперский штурмовик. Не то, чтоб было очень больно и обидно – хоть это и так, разумеется, но угнетала сама бессмысленность экзекуции и то, что офицеры сами пачкаются об это занятие. Но выпустить кхаргов на людей в камерах... Кем же надо быть тогда, а, Генрих Стремительный? Неужели не знаешь вовсе, что творится твоим именем у тебя под носом?

Они снова встретились с этими молчаливыми чудовищами почти у входа к посту безопасности, в помещение которого ворвались из пустыни. Две фигуры суетливо подпрыгивали у двери – по одному выстрелу сделали капитан и стажёр, ещё четыре оказались внутри помещения поста, они кружились в каком-то танце, что ли, возле убитых Дракулеску солдат. Холодеть от ужаса при взгляде на это действо мужчинам было некогда – только тихий шорох выстрелов, и оба постарались не смотреть на то, что стало вываливаться из мерзких мишеней, да ещё порадовались про себя, что их спутница не видит происходящее. На выходе на из бетонного склепа Скайстон переключил имитаторы, взвалил Джину себе на плечо, сказав ей что-то спокойное и ласковое, и предупредил стажёра:

– Прикрывай, я двину к лендеру без оглядки.

Дракулеску молча кивнул, выбираясь первым под бладенское солнце. Он был спокоен – приборы не фиксировали ничего подозрительного, да и серый песок под ногами уже казался симпатичным после того, что произошло только что. Всё-таки Скайстон силён – бегать по такому грунту с такой нагрузкой... Григораш даже перешёл на форсажное дыхание, чтоб не отстать – кажется, ему самому ещё не приходилось так развлекаться не на тренировке. И лендер, похоже, в этот раз гнал гораздо быстрее, хотя капитан вёл его одной рукой – другой он крепко держал запястье девушки, почти лежавшей рядом на пассажирском сиденье. Роль молчаливого охранника не доставила сейчас никаких хлопот – хотя и стоило ожидать подвоха ежеминутно на этой земле, видимо...

Лендер лихо закатился по аппарели внутрь «Демона», она тут же взялась закрываться. Дракулеску поймал себя на том, что ощущает себя ещё спокойнее, и, быстро избавившись от бронекомба и оружия, помчался на мостик. Проверка его даже обрадовала – за время их отсутствия ничего не произошло, и ничего, похожего на погоню, датчики не фиксировали. Только бладенское солнце намекало, что собирается лихо завалиться за горизонт, да появился некий вечерний бриз, что ли – совсем не сильный, но десяти минут его вполне хватит, чтоб заровнять следы на песке. В сумерках же сам «Демон» станет похож на одну из дюн. И ведь никакого шума в эфире, ещё бы так с пару часиков, право. Что там за шум

в риддерике? Вроде как голос спасённой пленницы, что-то о том, что седины у Скайстона прибавилось. Но ведь это значит, что... Обернувшись, Григораш так и застыл, не шевелясь и радушно улыбаясь.

Капитан появился в своём обычном виде, не забыв пришнуровать плащ, но синюю повязку с золотыми крестами со лба не снял. Он аккуратно нёс свою добычу на руках, распакованную от комба, и его лицо казалось освещённым каким-то ярким светом – вечно хмурый владелец «Демона», оказывается, умеет улыбаться, хоть и только глазами. Ого, а леди Оранта и вовсе настоящая принцесса, что бы там не говорили – такой красивой женщины раньше наблюдать не приходилось. Скайстон говорил ей что-то успокаивающее, совсем тихо, но полным нежности голосом, и Григораш счёл нужным быстро сделать вид, что занят показаниями приборов. Тем временем Темпл упаковал девушку в пассажирское кресло, и удалось расслышать:

– Хорошо, хорошо, останешься тут и будешь видеть меня. Когда мы выберемся отсюда, ты совсем успокоишься, а пока глотни вот и перестань уже дрожать. Раз я изменился, значит, настоящий, логично? Что? Моя личная, на выпускном курсе все разрабатывают себе аксессуары, это входит в программу. Мало ли чего ты обо мне не знаешь, больше знаешь – крепче пьёшь. Потом расскажу как-нибудь, – и капитан без спешки, но быстро очутился в своём кресле.

Стажёр позавидовал этой его аристократичной грации

в обычных движениях — в знакомых ему ранее пилотах ни следа величия не было, скорее некая заплывающая и резкость присутствовала. Те же торговцы, что временами появлялись на базе у республиканцев, держались нарочито брутально, даже сверх всякой меры вежливости. Капитан тем временем очень спокойно и с деловитой быстротой работал, вскоре глянул на второго пилота с вежливым вопросом во взгляде. Григораш с готовностью кивнул, подтвердив готовность, и с удовольствием расположился на своём месте. Скайстон ровно выпрямился, плавно кивнул ему, и, застыв ровным взглядом на секунду в никуда — сейчас этот взгляд излучал спокойствие, а не тревогу, как раньше — и аккуратно потянул штурвал на себя. «Демон» тихо вздрогнул и всплыл над поверхностью планеты, уходя едва ли не прежним курсом на ночную сторону. Стало ясно, что в кровавых бладенских сумерках он сейчас похож на некую нереальщину заката — из тех, о которых не хочется думать, что же это на самом деле такое. Кроме того, его могут принять даже за местный эклектар, на котором пьяная вдрабадан солдатня вздумала проветриться под вечер — так что есть огромная доля смысла в известной директиве «поспешай медленно!».

Действительно, полдюжины вертолётов шатались в полутьме километров от места старта, но отчего-то совсем не заинтересовались «Демоном» и его пассажирами даже связисты, чья работа была наблюдать, кто и зачем выходит на орбиту с превышением второй космической скорости.

Темпл вдруг быстро левой рукой набрал что-то на нижней панели, почти на уровне колена – и Григораш заметил, что корабль резко потерял неплохую массу, но что за балласт был сброшен, приборы не фиксировали вовсе.

– Что это, капитан? – осторожно полюбопытствовал стажёр.

– Мигрень для Генриха Фолькенау в качестве презента, – бесцветно усмехнулся в ответ капитан. – Жаль, лично встретиться не получилось – он сейчас вовсе не на Бладене прохлаждается. А так хоть немного испортим кхаргам удовольствие. Загремит через несколько минут, что-то слишком тихо мы взлетели, кабы не помешали нам, право.

– Как, диктатор не в столице? – изумился Григораш. – А как же празднества?

– Он не так прост, как его сторонники, – спокойно разъяснял Темпл, не отрываясь от работы. – Полагаю, сейчас он как раз по уши занят – например, встречается лично с новой порцией собственной армии, которую ему подогнал Ормандо. Это, видишь ли, очень волнующе – присягнуть диктатору в день его рождения, ха-ха. Ну, или смотрит, кого и что тему на этот раз привезли воры и жулики, как это добро можно приспособить для себя.

Дракулеску почувствовал себя дурно, но изо всех сил овладел собой. Томаш, Анжель... там же кхарги! С их ужасными чёрными ритуалами, от которых воротит так, что сил никаких нет...

– Как, Ормандо отправляет ребят диктатору? – упавшим голосом проговорил он. – Вы это знали, капитан?

– Как не знать, если мне был предложен чин полковника? – Скайстон улучил момент, чтоб участливо подмигнуть собеседнику. – Не грусти, ваша база последняя в списках, до неё очередь может и не дойти.

Григораш вовсе не обрадовался, хоть и очень хотел бы. Почему капитан отказался – он уже понимал, хоть и смутно.

– Почему же Вы сочли нужным мне это сказать, капитан? Я не обязан был знать это, так ведь?

Скайстон посмотрел на него серьёзно и уважительно, будто на равного себе.

– Потому что крещёному там делать нечего – на части разорвут. В лучшем случае.

И в этот момент стало совсем не до разговоров – как раз по проложенному курсу нарисовался штурмовик Лиги... «Шквал», понял Дракулеску, а это настоящие неприятности, тем более лобовая атака. Капитан смотрел на изображение корабля скорее с любопытством, невозмутимо слушая стандартное требование, и с усмешкой пробормотал себе под нос: «Нарисовался, как по заказу, надо же». Он слаженно подобрался, полностью переходя на ручное управление, и неожиданно сам заговорил в эфир, обращаясь к пилоту противника:

– Ну да, остановился аж два раза, – спокойный насмешливый тон Скайстона настолько контрастировал с громовым

рёвом незнакомого пилота, что становилось действительно страшно. – Ишь ты, кто голос подал. Эдвард Рокк, а не слишком ли ты серьёзен нынче? Может, личико своё мне покажешь – а то я уже и соскучился, давненько не виделись. Поговорим чуток.

«Шквал» ушёл от лобового столкновения и расположился коллинеарно.

– Саймон Флеш?! – прогремело из космоса с немалым изумлением. – Это ты???? Каким образом, чёрт побери, почему?

– Ну так посмотри да убедись, бедняжечка, – продолжал невозмутимо язвить Темпл. – А то, видать, правду говорят, что у расстриг с мозгом проблемы, соображают хуже. Я тут пространство инспектирую, полковничьи погоны Лиги примерить решил, а ты всё ещё лейтенантом прибедняешься, да? Или платят плохо уже за маневры с иголочками, раз опаздываешь на пирушку?

Вспыхнул экран связи. Появилось бледное лицо зеленоглазого атлета огромного роста, светлые, как звёзды класса G, ровно подстриженные волосы, дабы скрыть то, что они склонны виться, лихо спадали на лоб. Он выглядел бы вполне солидно в сером с малиновым мундире лейтенанта Лиги, кабы не выражение сильной озлобленности на и без того крепких чертах лица.

– Что это ты себе позволяешь, а? Откуда ты тут вообще взялся, да ещё в таком виде?

Темпл, похоже, забавлялся над ним вполне искренне и без всяких эмоций.

– Да просто решил заглянуть в ту камеру, в которую меня упекли по твоей милости, малость соскучился, – говорил он с холодной усмешкой, но не без едва уловимого оттенка высокомерия, – а там кхарги шляются, как у себя дома, по всей тюрьме. Эдвард, они что, по всей столице теперь также разгуливают, что ли?

Пилот «Шквала» чуть не поперхнулся от возмущения.

– Ты вообще кто такой, чтоб меня допрашивать? – сурово прогремел он. – Судя по твоему виду, ты пока вовсе не полковник!

Скайстон вздохнул, якобы горько сокрушаясь, и ядовито усмехнулся.

– Ах, ты стал ещё глупее с нашей последней встречи – может, в твоих мозгах они тоже успели покопаться? Я-то, грешный, думал, что тебя хоть чему-то научили в подразделении «Штерн», а ты не то необучаемый, не то склерозом рано начал маяться. Ну, так ответ будет, или я могу действовать, как сочту нужным?

Собеседник только головой покачал, показывая, насколько он возмущён услышанным.

– Ты что ж это, всерьёз хочешь спросить и только за этим обратился? С чего ты взял, что тебе спущу?

– Это я тебе не спущу – если у тебя хватит духу драться сейчас, – холодно фыркнул Темпл. – И что за блажь была

жалеть тогда эту столицу, пусть бы сгинула к чертям. Да, пожалуй, пусть сгинет, раз там столько кхаргов шатается.

– Ты мне вовсе не нужен, чёртово недоразумение! – почти истерично выкрикнул Рокк. – Я знать тебя не хочу, шёл бы ты подальше! – и экран связи погас.

Скайстон, похоже, нимало не смутился, только ледяно усмехнулся с некоторым разочарованием.

– Дурак – это фатально. Может, он всё же пойдёт в атаку, а?

Дракулеску решил ответить – хотя он наблюдал за командиром с явным восторгом, это не мешало ему работать.

– Нет, капитан, он не поменял курса и прибавил скорость. Можно выходить на авторежим.

– Можно вообще отсюда сваливать, – холодно ответил Скайстон. – Выводи на установленные координаты, патрули нас уже не достанут.

Григораш быстро выполнил указание, но тут увидел, что на Бладене вдруг расцвели вспышки, а цифры ослабления сигнала говорили сами за себя... Кроме того, координаты места назначения выглядели совсем незнакомыми... «Демон» осторожно вздрогнул, уходя бесследно из системы. Центрум насовсем в неведомые глубины космоса. Конечно, то, что они покинули систему, уже радовало, но сейчас стажёр ощущал себя некомфортно – произошло что-то вовсе нехорошее, и будущее радужным уже не казалось.

За бортом полыхало лиловое пламя, на мостике повис-

ло молчание. Скайстон, проверив напоследок все данные, устало откинулся в кресле, прикрыв глаза, выудил откуда-то фляжку и сделал из неё крупный глоток.

– Всё, отстрелялись. Пауза на трое эталонных суток, будем восстанавливаться. У кого какие будут вопросы?

Помолчав с четверть минуты, Дракулеску решился:

– Капитан, куда мы летим? Я не знаю эту систему.

Скайстон повернулся к нему всем корпусом, однако успел бросить быстрый взгляд на Джину, которая так и лежала в кресле, как её и оставили перед полётом. Он выглядел очень усталым, но взгляд его был ровным и спокойным, и оттого возникало ощущение какого-то тепла, очень вовремя против ледяного безумия за бортом.

– Ну не могу же я просто взять и вернуться в гости к Ормандо, верно? Вас там просто посадят под замок для начала, а меня тупо грохнут так или иначе – я слишком неудобен для всех без исключения. Так что придётся сделать вид, что мы все погибли – а этот тупица будет сам же идиотом, если проболтается о встрече. Летим в систему Гардар, это очень тихое место. После того, как нас перестанут искать по всем портам даже за ту сумму, что пообещают за наши головы, можно будет думать о возвращении.

– А что случилось на Бладене? Это тот самый неприятный сюрприз для диктатора, обещанный Вами?

– Верно, – согласился Темпл, отхлёбывая из фляжки. – Если раньше я был к Генриху Фолькенау равнодушен, то сей-

час он мне уже не нравится. Человек, обратившийся за помощью к изоморфной расе колдунов, умным быть не может. Особенно, если учесть, что для кхаргов люди – не более чем корм.

– Что ж, – задумчиво произнёс Григораш, – на меня эти странные комки тени произвели самое тягостное впечатление, скажу даже больше, после каждого выстрела по ним я ощущал, будто пространство становится чище. Странно, что я ничего не ощутил, когда убил солдат – это ж люди, всё-таки.

– Как знать, может, они уже обработаны кхаргами и перестали быть людьми, – в тон ему ответил Темпл. – Или вообще даже этого не понадобилось – таких персонажей везде хватает. Во всяком случае, ты избавил их от участи стать вскоре едой – пенсионеров среди войск Лиги не существует, скажу по секрету.

Дракулеску сокрушённо покачал головой.

– Вы отказались от полковничьих погон потому, что знали все эти вещи?

Скайстон пожал плечами с деланным безразличием. Слишком деланным, но это его право, всё же.

– Полагаю, этого вполне достаточно. У тебя всё?

– Почти. У меня мало опыта, и я совсем не знаю, что такое система Гардар...

Скайстон вдруг на секунду улыбнулся – зрелище оказалось столь же прекрасным, сколь и редким.

– Можешь не волноваться – её пока вообще никто не знает. Прилетим, увидишь сам.

Григораш радостно кивнул головой и развёл руками, давая понять, что разговор окончен. Сейчас, несмотря на молодость, он вдруг почувствовал сильную усталость и желание заснуть. Однако уходить с мостика совсем не хотелось и он лишь поудобнее устроился в кресле, вытянув ноги и откинув спинку подальше.

Темпл с некоторым сожалением спрятал фляжку – хотелось выпить всю, но это можно было себе позволить, продолжай он лететь на «Демоне» один с пилотом. Кроме того, ещё толком неизвестно, как сочетаются с коньяком в его теле стимуляторы, их ещё часа три нельзя будет игнорировать в крови. Самое противное, что сейчас начнётся то, что для краткости все военные называют «отходняк» – а выглядеть кисло перед гостьей совсем не хочется. С другой стороны, вряд ли он был лучше после стенда, конечно, и Джину это не смутило. Но сейчас по-юношески хотелось попижонить, распустив хвост – жаль, что придётся сразу отказаться от подобной блажи. Ах, если бы не этот распроклятый суд в молодости, где хватило гордости кричать: «не смейте прикрываться именем Империи, не пачкайте её!», даже с пола под сапогом охраны... Тогда ещё хватало сил и желания быть собой и огрызаться, даже и на краю пропасти в рудниках перед толпой озверевших смертников. Куда ж это всё пропало, и как давно? После разрыва с Зораной или после неудачной

свадьбы с Элестой, когда он познакомился с Кейтаром? Ах, да, хорошо, что вспомнил Кейтара – вот кто искренне порадуется сегодняшнему налёту и похвалит, а это совсем не мелочи для Темпла. Седины у меня прибавилось? А не всё ли равно, дорогая принцесса, выручать тебя кроме меня оказалось некому, какая горькая ирония, лучше об этом вслух не говорить. Ну и ладно, пусть даже и всё закончится, не начавшись – как ни странно, в этой жизни ещё есть чем заниматься. Надо полагать, Кейтар-то сообразит точно, что я ещё вернусь, он умница.

Скайстон обрадовался про себя, что силы обернуться для неизбежного разговора с Джинной ещё нашлись, и решил не медлить с этим движением. Может, он и впрямь тряпочный супермен и дешёвый герой-любовник, но он на своём корабле и кое-что ещё значит в данный момент. Поговорим, даже если и придётся поругаться.

Однако всё оказалось намного проще. Похоже, девушка уснула на своём месте, сам же постарался прикрепить её. Ну, ещё лучше тогда – Скайстон осторожно высвободил свою добычу из кресла, взял на руки и понёс прочь, в свою флэтку. Включать каблуком свет и откидывать диван нам не привыкать, это автоматические движения. Вот так, пусть спит, ещё закроем пледом и можно будет тогда ещё раз достать фляжку, просто замечательно. Ладно, тогда не будем шараться по помещению, скинем перчатки, отшнуруем плащ и вздремнём – уж неизвестно, что получится, но де-

лать что-либо ещё вовсе неохота. Темпл осторожно освободился от сапог и тихо улёгся рядом с пленницей – проснётся если, разбудит и его своим движением. Прикрыв глаза, он даже осмелился поиронизировать над этим положением – а может, не было никакого чёртового стенда, никаких визитов в Лигаполис, который сейчас задыхается от последствий мощнейших взрывов в разных стратегически важных местах, может, и Эдварда Рокка и Арнея Ормандо не было? Лежим, будто полтора года назад, когда случайно познакомились. Тоже ведь странное было приключение...

Скайстон понимал, что тогда он вляпался вполне серьёзно – уж кому из конкурентов взбрела мысль нанять ликвидаторов, было, по большому счёту, неважно. Но члены этой банды были идейные киллеры, и перекупить их было в принципе невозможно – они выполняли то, что было оплачено, любой ценой и дьявольски пунктуально. Их было семеро – а значит, они считали добычу знатной и ни за что не отказались бы от удовольствия прикончить её. Они не особо скрывались – даже повязочки свои с уродливой эмблемой нацепили, что ж не нацепить, когда маска на голове красуется. Темпл был почти в отчаянии – жить хотелось, несмотря ни на какое уныние либо хандру. Но перемещаться, отстреливаясь от семерых, постоянно меняющих положение... Нужно было всего-то прыгнуть через проход, дальше был шанс уйти прыжками в стиле пьяницы хотя бы, но именно это сделать ему и не давали, а значит, оставалось лишь

ждать, когда доберутся до узкой щели в стене, в которую он еле вжался, и расстреляют в упор – это в лучшем случае, неизвестно же, за какой сценарий платили этим отморожкам. Тем более, что боеприпасы у них не заканчиваются... Откуда-то совсем рядом возник тонкий, но высокий и фигуристый силуэт на шпильках, с довольно крупненькой сумочкой для него, с двумя длиннющими хвостами на голове... Бластерный огонь тут же смолк – случайных прохожих бандиты не трогали принципиально, это была часть их имиджа. Незнакомка серьёзно посмотрела на Темпла и сделала глазами знак двинуться вперёд – туда, куда выстрелы не давали только что возможности сунуться, при этом явно намереваясь шагнуть в ту же сторону. Терять было уже нечего, он ресницами показал, что согласен. Скайстон изумился окончательно, когда их парочка умудрилась сделать целых три шага через проход, и услышал тихое: «теперь беги». Он бы выполнил указание, кабы не выдержали нервы у одного из киллеров и тот не сделал бы предупредительный выстрел в темноту прохода, в покрытие мостовой. Он успел рассмотреть девушку и понять, что не был знаком с ней раньше, а ломать голову, чьё на сей раз столкновение интересов имело место тут быть, было уже бессмысленно. Успел увидеть, что выстрел был неожиданностью для незнакомки, и отпустил рефлекс на свободу. Выразилось это так – Темпл покачнувшись по вертикали на долю секунды, схватил девушку за шею и превратил её в свой живой щит, быстро отступая по прохо-

ду и прекратив в полутьме огонь. Как ни странно, незнакомка не только не сопротивлялась, но даже помогала, стараясь поспеть за ним. Видимо, инцидент порушил все планы ликвидаторов – во всяком случае, погоня если и была отправлена, то успеха особого не имела – убежать у них получилось без особых сложностей. Да и бежали они вскоре вместе молча, взявшись за руки, маскируясь под ночных гуляк.

Когда же Темпл счёл нужным оставить свою спасительницу одну, она воспротивилась.

– Можешь уходить. Дальше я справлюсь сам, – вежливо сказал он, почтительно пожимая ей руку.

– Не хочу. Да мне и некуда, – девушка смотрела на него с каким-то отчаянным порывом, но вовсе не была похожа при этом на наркоманку либо психопатку, которых полно в любом городе.

– Хочешь пойти со мной? – галантно полюбопытствовал Темпл, разглядывая её уже с неприкрытым мужским интересом. – Но мне придётся улететь с планеты после произошедшего, как можно скорее.

– Хочу, – спокойно сказала она. – Мне тоже придётся, ведь они не простят мне, что ты уцелел.

– Не возражаю, – согласился Темпл. – Но я бедовый.

– Уже не важно.

Познакомились они уже на «Демоне», и Темпл узнал, что Джина не смогла стать студенткой – протекции у неё не было, а бюджетные места чиновники загодя распределили среди

детей своих знакомцев. Хотя, конечно, ей предлагали протекцию – но на условиях через интим... Он пообещал попробовать похлопотать, задействуя свои знакомства на других планетах, и даже пытался выполнить обещанное, но Джина всякий раз находила предлог остаться рядом, а случай с нападением кхарга и вовсе подружил их в итоге, но этот манерный Ормандо испортил всё... Скайстон пытался отговорить, убедить, объяснить, что нельзя соглашаться на это предложение, что работа шпионки – не то, чем стоит заниматься, особенно в этом случае, что это означает только скорый ужасный конец, что она даже не представляет себе, во что ввязывается – бесполезно, с тем же успехом можно было уговаривать скалу. Он пытался сыграть даже на том, что ему будет плохо без неё – не подействовало вовсе. Темпл тогда с досады почти крикнул: «Так что, ключевое слово – принцесса, оно сделало тебя бесчувственной куклой?» Интересно, успела ли Джина пожалеть о том, что так сильно ударила его в ответ? Даже сейчас обидно вспоминать, после всего случившегося. Ладно, глупо обижаться нынче, спасти его со стенда её никто не просил – кабы знал тогда, в чём дело, потребовал бы аудиенцию снова. Даже ценой новой пощёчины.

Но вот незадача – и верно, полутора лет и неизвестно ещё сколько сожженных из-за них будущих как ни бывало, а всё как будто тогда, и Темпл не чувствует себя вправе прикоснуться к Джине, как мужчина. Да, они целовались в камере Лигаполиса – что это меняет? Они могли погибнуть че-

рез пять минут — кто ж знал, что вместо патрулей придёт-
ся встретиться с кхаргами. Тогда это была бы всё же победа
над всеми злыднями, что желали смерти ему и ей — а сей-
час он может снова проиграть полностью, если Джина снова
захочет уйти. Она ещё молода, он же никто, просто старый
друг, ага. Как всё ужасно, всё-таки. Есть несколько недель —
но что они значат, если был уже год, что пролетел без тол-
ку и как один день. Раньше Скайстон был просто контрабан-
дистом — теперь он сделался врагом всей Лиги, а на Импе-
рию рассчитывать давно не приходится. Джина же свобод-
на — и любой штабс-капитан с имперского крейсера, у кото-
рого глаза на месте... Стало холодно и нестерпимо захоте-
лось застонать. Или это просто дрожь из-за отходняка от сти-
муляторов? Этой беды ещё не хватало, да и сердце, кажется,
начинает опять пошаливать, в груди давит страшно и будто
дыра с колючим осколком. Ах, как нехорошо и невовремя,
но этого следовало ожидать...

Скайстон сжал ладонь в кулак так, что хрустнули пальцы,
но ужасное ощущение продолжало нарастать, ещё и пробле-
мы с дыханием начались. Пришлось заставить себя подско-
чить и рвануться к ящику с пластинами медкомпа, вытащить
оттуда нужные капсулы и раскусить немедленно. Вроде по-
могло. Вроде всё совсем несмертельно, но до чего же мутор-
но. Темпл вернулся на диван, но смог только сесть, подпе-
рев локтями колени и уложив лицо на ладони. Он надеялся,
что переждёт, но зря — начались какие-то блуждающие боли

в коленях и запястьях, кажется, даже воротник куртки начал его душить. Хорошо, куртку долой – последний глоток из фляжки, и нужно всё же лечь, даже ценой сна с кошмарами в итоге. Иначе эта беготня загонит его окончательно – сколько же лет он только и бегает всюду? Неужели десять? А если ещё и учёбу посчитать сюда же? Неудивительно, что забегался, этак можно и упасть – и тогда только плащом и накроют. В лучшем случае.

Колени по очереди предательски хрустнули, когда Темпл улёгся на спину. Когда же наконец полегчает? Неужели уже никогда? До чего же холодно, как давно ему так холодно? Только последние полгода или с той ужасной ночи в лесу, когда он как-то дополз на локтях до порога монастырской часовни? Скайстон стиснул зубы покрепче и накрылся плащом. Надо бы радоваться вообще-то, он ведь успел, сделал. Кейтар точно похвалит – даже без сомнений, надо было ему рассказать про Гардар всё-таки, жаль, что случая не представилось в этой проклятой беготне. Кейтар, он ведь тоже спас мне жизнь тогда, когда выстрелили в спину. Нет, когда мы с ним попали в те адские пески Кордариджи, у меня было сил побольше – да и седины не было. К чёрту, пусть себе блестит – пилоты волосы не красят. Если это пилоты, конечно, а не клоуны. Чёртовы ломки, как же тяжело-то... Бывало ведь и хуже – мог же вынести, чего сейчас подыхаю? Как грустно...

Джина шевельнулась и повернулась на другой бок, лицом

к нему. Молчать и не открывать глаза – пока нет полного контроля над собой, надо делать вид, что заснул. Да она вроде и не проснулась, дышит также, тем лучше. Ну и хватка у неё, сонной – этакое крепкое объятие, однако. Не вырываться же теперь.

– Темпл, ты здесь? – голос был явно из глубин сна, но очень настойчив.

– Да, конечно, Джина, я с тобой.

– Не вздумай никуда уходить, понял? Я тебе не позволю! – о манере разговаривать во сне у принцессы ничего толком неизвестно, но тон, которым это было сказано, не оставлял сомнений в серьёзности сказанного.

– Хорошо, хорошо, – Темпл почувствовал, что наконец проваливается в сон и так сильно, что даже не успевает обрадоваться тому, что только что услышал. Силы действительно кончились, но и холод на время отступил. Скайстон уже не слышал своего дыхания – оно стало ровным и спокойным, как и положено чуть повзрослевшему мужчине в объятиях своей женщины. Несколько часов безмятежного сна – вот и всё, чего его телу не хватало, но именно отсутствие вовремя этой простой вещи унесло ужасное количество жизней космолётчиков самых разных возрастов. Не взирая на все усилия реаниматологов после...

III

Рыжий туман с чёрными трещинами. Нет, не туман, похоже, пламя – но сквозь него ничего не видно. Где это и что это? Почему так жарко и нечем дышать, но я сознании? От такого спазма дыхания умирают быстрее, чем обычно, но ничего не меняется, только чернота и непрозрачный оранж, мерцают и не двигаются. Может, просто уже случайно умер, где же хотя бы боль? Ничего вокруг, только эта рябь и жара... Невыносимо, но не кончается. Как же быть, что делать? Помогите, кто-нибудь, пусть хоть что-нибудь изменится! Я же ничего не чувствую, но мне ужасно плохо, значит, я жив? Или уже нет и не вернусь отсюда? никакой даже боли, но душно, душно и... страшно. Нет, я против, не так, как-нибудь иначе! Оно не кончается и усиливается, так не бывает, но есть – неужели это насовсем? Я не согласен, но неужели нечего сделать? Не хочу, не хочу! Чёрная полоса будто шевельнулась... БОЛЬНО! Но где же отключка? Почему нет? Боль такой силы в природе быть не должна... Ещё одно чёрное шевеление... нет, не надо, БОЛЬНО! Третье, пятое, семнадцать... Сколько уже раз? Я так не могу! Неужели оно так и будет? Не надо, мне БОЛЬНО!

Мокрое полотенце на лбу. Ладно. Руки ноют в суставах, пакостно, но терпеть можно. Кажется, лежу – что там

с правым коленом, хрустит? Значит, жив покуда. Попробуем с этим как-то разобраться тогда, что-то веки опять прилипли, что ли? Так, меня зовут по имени, понял, дышалка вроде работает. Неужто пронесло? ВОДЫ! Ага, горло работает, значит, пронесло. Ну, и где я? Кому там ещё нужен этот полудохлый Темпл Скайстон? Веки ворочались, как свинцовые, но всё же глаза открыть удалось. Ага, дома, то есть у себя на «Демоне». Уже неплохо. Джина. Смотрит якобы сурово – ну, испугалась, надо полагать. Вот же подлость, оказаться с ней рядом и быть такой развалиной. А это ещё что, пластины медробота на предплечье? Кто её учил таким вещам, интересно? Уж точно не я. Так, что там у нас стряслось, докладывай, долбаная электроника... М-да... Я бы на месте Джины тоже испугался. Тут надо кое-что радикальное уже, не то при попытке встать в полный рост можно рухнуть раз и насовсем. Что ж я совсем не подумал, что кхарги тупо жакнут по площадям, вот оно меня и накрыло...

– Джина, ты в порядке? – голос как из бочки, ну да ничего, хоть получается говорить.

– По сравнению с тобой – великолепно, знаешь ли, – какой капризный тон, однако, можно было бы и обидеться, ну да не стоит, перенервничала же, факт. – Что за блажь умирать так часто, Темпл Скайстон? Меня это совсем не устраивает, прекращай такие забавы.

– Я не нарочно, просто твоё отсутствие действовало на меня плохо. Мне жаль, но придётся тебе ещё раз мне помочь,

и прямо сейчас, — ага, я ещё не разучился улыбаться, странно даже...

— Говори, что делать, — тон совсем деловой, но приятельский. Как раньше...

— Белый кейс вот там, в углу. Тащи сюда, только осторожно. Вот, давай ставь. А сейчас отвернись от меня, пожалуйста, я скоро.

Вроде не обиделась. Значит, у меня есть шанс, и она не думает обо мне скверно. Хорошо бы. Так, вино от Литургии осталось, это очень кстати. Господи, прости меня, грешного, но если я не доведу дело до конца, моим подопечным помогать будет некому. А они ни в чём не виноваты. Пусть Джина делает, что хочет, но её нельзя было оставлять там. На Гардаре она хотя бы будет в безопасности и отдохнёт. Не надо её сейчас пугать моей смертью, она и так достаточно пострадала. Или уж помоги им сам, если я уже слишком далеко зашёл...

— Всё, Джина, поставь, как было. И... нужно подождать несколько минут. Только не пугайся, если я кончусь совсем, ладно? Ну, это со всеми бывает, не надо этого бояться. На Гардаре похороните, а инструкции все я оставил, второй пилот найдёт их легко, — слова получались какие-то будничные, да и голос, кажется, сел. — И не смотри на меня так, я бы сам хотел остаться с тобой надолго, но это уже не от меня зависит, — что это у меня с дыхалкой, садится, что ли? Тогда уж поскорее бы, чтоб не затягивать...

– Ты что это несёшь, моя драгоценная развалина?! – похоже, она вовсе не рассердилась, хотя хочет такой казаться, да уж, куда я полез со своими амбициями... – Если тебе настолько плохо, то цепляйся за меня, Темпл, прорвёмся, нам привыкать, что ли? – она обхватила плечи и талию, это очень здорово и... невыносимо, от этого хочется рыдать, если бы хватало сил ещё. – Я вовсе не хочу тебя терять ещё раз, пойми ты это, наконец, пожалуйста, Темпл! – так, это что-то новенькое, так она на меня ещё не смотрела...

Рискнём, Саймон Флэш? Чего тебе терять, когда уже всё закончено? Ты же всегда хотел это знать, не так ли?

– Джина, – говорить становится всё труднее, но ничего, успеем, – ты что, настолько ко мне равнодушна? Я же... уже старая развалина, честно говоря, и..., – не успел, но зачем же так орать?

Или ему показалось, что он глохнет? Во всяком случае, её крик достиг цели вполне удачно...

– Не смей!!! Не смей уходить, я этого не вынесу! – ах, можно подумать, я хочу этого, дуручка... – Темпл, я же люблю тебя, почему ты такой тупой, а??? – честно говоря, эта мысль не приходила мне в голову, но если это так, то само по себе это очень здорово, жаль, что слышу так поздно...

Скайстон, правда, вдруг ощутил, что все эти мысли он хоть и не говорил вслух, но будто бы они дошли до собеседницы сами по себе, без его участия. Наверное, утрачен контроль над лицом. Эх, мне бы мои «золотые преддипломные»

сейчас, я бы не подкачал, но, видимо, уже слишком поздно...

– Спасибо, Джина, я действительно тупой, – до чего трудно говорить, но быть эгоистом и молчать уж совсем тогда неприлично. – И мне жаль, что я не подумал об этом раньше. Прости.

Так, что-то происходит, надо напрячь зрение и рассмотреть получше. Какие-то золотые искры в воздухе, но не похоже на галлюцинации. Ох, ты, лицо моего старшего учителя, погибшего там, за рудниками, жизнь назад, по дороге к свободе уже – видимо, дело совсем дрянь, раз появился его образ, мы же с самой его гибели так и не виделись. Пропало, зато голос в ушах совсем не галлюцинация, надо полагать. «Расстегни пуговицу, Темпл, нельзя всё время ходить в мундире, задохнёшься. Расстегнись – иногда это необходимо.» Но я же с этим никогда не спорил, хоть и не понимал! Как быть?

– Темпл!!! – пришлось поспешно доказать, что он ещё видит и слышит, как ни странно. – Ты..., – и не надо так трястись, правда, Джина, я же ещё здесь, – ты ничего мне в свою очередь сказать не хочешь, а? – ах, какой же я чёрствый чурбан, она права, оказывается...

– Джина, – надо же, хватило ловкости ещё на улыбку, – я уже поцеловал тебя там, ты же помнишь? Так что очередь теперь твоя...

Нарвался. Но вот уж о чём мне нигде не придётся жалеть, так об этом! Да, с моей стороны было бы очень нехорошо

оставить её одну сейчас, раз она такая голодная, но это же не мне решать... Так. Я ещё жив, получается? Это резко меняет дело. Кроме того, я, оказывается, должен больше, чем предполагал – что ж, я готов сделать всё, что получится. Я ни от чего не отказываюсь.

– Джина, успокойся, я же не шучу вовсе, – левая, свободная рука вполне себе сносно двигается, уже неплохо, – я действительно тебя люблю, и давно. Не дрожи, я же ещё здесь, с тобой.

– Что-о? Почему я слышу это только сейчас? – похоже, успокаиваться она и не думала, впрочем, это неудивительно, но, кажется, ей уже лучше, во всяком случае. – Повтори немедленно, чтоб я знала, что это не шутка! – слишком блестящие глаза, слишком, как же я это допустил-то, до чего нехорошо с моей стороны...

– Повторю, сколько пожелаешь, хотя пока мне тяжело. Это так, поверь.

Опять неудача, у неё из глаз так и брызнуло. Какой я неуклюжий, оказывается...

– Почему ты молчал, негодяй?! Я бы не поехала вообще в Лигаполис, а ты не попал бы в лапы к этим изуверам! Думаешь, приятно на тебя смотреть, когда ты умираешь в одиночку?! Я!

– Я немало удивлён, честно говоря. Разве я похож на подонка, который пользуется положением женщины, которой некуда идти? – ох, как бы это всё не вылилось в ссору, иначе

рыдать придётся уже мне...

Но не пришлось. Джина сначала бросила его лежать, разомкнув объятия, будто её само что-то душило несколько секунд, ненадолго откинула голову вверх, только для того, чтоб выпустить сдавленный крик, похожий на тихий вой, и с рыданиями спрятала своё лицо у него на груди. Темпл осторожно отцепил пластины медкомпа с правой руки, пока она не видела этого, и, крепко обняв, взялся укачивать и говорить ей что-то нежное и ласковое, не особенно думая о содержании сказанного. На него сыпался град из обвинений чёрт знает в чём, но он не слушал вовсе, осторожно отвечая только поцелуями. Боли прошли, уступив место тихому спокойствию во всём теле. Осталось лишь какое-то слабое удивление – он сказал то, что вовсе не собирался говорить никогда, но совсем не чувствовал от этого дискомфорта. Он и сейчас говорит то, что ему совсем не свойственно говорить – и скорее испытывает сам радость от этого. Это что, то и означало – «расстегнуть пуговицу»? Действительно, вовремя и совсем не страшно. Значит, золотые искры совсем не привиделись? Честно говоря, ощущения самые приятные, надо признать, и ничего болезненного. Стало быть, умирать ещё рано, а это не может не радовать.

– Джина, успокойся уже, ради Бога, я с тобой и никуда не делся! Делай что хочешь, только перестань реветь!

Плечи девушки замерли. Она подняла лицо, слёзы её вовсе не испортили, и с вызовом посмотрела ему в глаза.

– Слишком опрометчиво сказано, Темпл. А ну как я и правду сделаю, что хочу?

Скайстон усмехнулся со столь самодовольным видом, что сомнений, как он понял эти слова, не оставалось.

– Принцесса, прежде чем Вы безжалостно начнёте пользоваться положением несчастного больного мужчины, не изволите ли Вы сначала подкрепиться вместе с ним ради такого дела?

– Я изволю сама этим заняться, – сурово произнесла она. – Но требую, чтоб ты больше не называл меня принцессой, ясно? – Темпл молча кивнул, не желая нового взрыва. – И пока я шарю у тебя в припасах, прицепи пластины на место, мне нужно знать, что с тобой.

Скайстон не без удовольствия вытянулся на спине. Он совсем не против был растянуться полностью, хотя уже не помнил, когда позволял себе подобное. Да и было ли такое вообще? Трудно сказать.

Темпл себя таким не помнил. Просто не помнил, и всё. Как всякий жизнелюб в любом приключении, ценителем приятных минут он был всегда. Однако он ничего подобного не позволял себе на своей территории – и уж тем более, на «Демоне». Он даже вполне серьёзно влюблялся – и едва оба раза не оказался женат, а прояви настойчивость – легко бы и оказался. Владеть собой или не особенно – не особо важно, но уж не разочаровывать женщину Скайстон умел

вполне. Однако нынче он действительно расстегнул все пуговицы – и хотя жалеть тут было совершенно не о чём, как ни сказать наоборот, эффект превзошёл все мыслимые ожидания. Темпл под любым именем нравился дамам – но после произошедшего он мог разве что сделать вывод, что он просто ещё не встречался с той, которая его действительно любит. Да и себя не столько искусным, сколько любящим – он вообще ни разу не представлял и таким никогда не был.

– Почему ты не встретила со мной, когда я очухался после стенда? – хотя это был настоящий упрёк, но звучал с таким количеством нежности, что переставал им быть. – А если б я не успел или вообще бы не узнал, мы ведь погибли бы порознь, Джина! Мне ж этот стенд каждую ночь снится, я б там однажды остался, да и всё, а гроб в космос бы отправили, – Скайстон нежно перебирал волосы своей женщины, которая с выражением блаженства спрятала своё лицо у него на груди. – Про тебя и говорить страшно, что могло случиться.

– Думаешь, мы бы поладили? – всё же до чего приятно видеть, что любимой хорошо с ним. – Боюсь, что не так. Да и устала я тогда очень, честно говоря – моё дело было тебя вытащить, а не приручать, – хитрый томный взгляд только одним глазом, ну, да, сейчас-то ей уже безразлично прошлое...

– Я что, бездушная скотина, чтоб меня «приручать»? Неужели нельзя было дать мне шанс самому сказать, что я

чувствую? – вспыхнул Темпл, хотя совсем не собирался.

– Дождёшься от тебя, ты скорее умрёшь, чем скажешь, как оно видно на деле, – фыркнула она, стараясь не смеяться. – Да и о чём было разговаривать, если мы поссорились до того? Я ж не знала, что настолько тебя интересую – ты вот мной не очень-то интересовался, пока не разозлился на Ормандо.

– Джина, я... контрабандист, вообще-то, – его глаза заметно потемнели. – Я ведь сказал тебе своё имя, помнишь, когда? Было не понятно разве? А ты оставила меня спать одного, я это прекрасно помню.

– Да, помню, сказал, когда на нас выскочил кхарг, потом. Ты уснул раньше меня, вот я и ушла, – сказано с такой детской непосредственностью, что терялся предмет разговора.

– Зачем? – с какой-то колоссальной горечью прошептал Темпл. Сейчас было заметно, что кроме «ничего этого вообще бы не случилось» в этой краткой фразе уместились все ужасы, пережитые ими порознь и совместно, да ещё и обида, что им пренебрегли ради непонятно чего. И, возможно, «кого» – и этот «кто» был никто иной, как Арней Ормандо... или же Карлос Ребельде, что ухаживал в Лигаполисе за принцессой Орантой, пусть и без какого-то успеха. Впрочем, оба сразу отстранились от дела, а этого следовало ожидать, вообще-то. Джина промолчала, хотя поняла это – заявить о своих припадках ревности к дарившим милости Темплу красоткам в бытность их дружбы она уже не хотела, не желая портить то, о чём мечтала с момента их знакомства. Да и не существо-

вали они для неё уже давно, а сейчас – тем более. Но с этой истерикой издёргавшегося по пути в Лигаполис юноши возраста Христа надо что-то быстро делать...

– Всё хорошо, что хорошо кончается, – сурово заявила бывшая принцесса, повернувшись, приподнявшись, и посмотрела в глаза своего мужчины. – Я намерена остаться с тобой, у тебя что, есть возражения?

– Нет!!! – вместо ответа получился какой-то дикий крик, аж самому нехорошо... – Никаких!

– Вот и славно, – с восхитительной невозмутимостью заявила девушка, бесцеремонно подбираясь к его губам своими. – Я тоже порядком соскучилась, знаешь ли.

Темпл почувствовал, что резко пьянеет, но сопротивляться желанию не стал. Пропади они пропадом, эти десять лет одиночества, в самом деле, в дальнем отвале рудников, где предполагалось, что он сам бесследно сгинет...

Тёплый субарский вечер сулил приятный отдых у реки среди раскидистых кустов. Летняя набережная слыла пусть не особо фешенебельным, но определённо любимым местом отдыха скучающих одиноких горожан – ведь вправду верно, что на бегущую воду можно смотреть бесконечно. Сюда традиционно не ходили не то что компаниями – даже парочками, для этого были уютные места ниже по течению реки. Сочная зелень, приятный запах цветов каких-то симпатичных деревьев – Скайстон решил, что не зря воспользовал-

ся советом своего второго пилота. Да и местное пиво пришлось ему очень по вкусу – пожалуй, стоит просидеть тут как минимум до полной темноты, слишком хорошо, тихо и спокойно было сейчас. Четыре месяца гонок по космосу утомили Темпла, хотя он считал, что не заметил этого. Несколько часов молчания в одиночестве – вот чего, оказывается, недоставало, но не на мостике «Демона», а в предзакатье ярко-жёлтого солнца этой планеты. Хитрец Ютака Хория снова оказался прав, посоветовав Скайстону прийти сюда. Темпл не особо обращал внимание на своего волей случая второго пилота, не ощущая от того ничего негативного, скорее, чувствовал к нему даже странную симпатию – тем более странную, учитывая обстоятельства их знакомства, но уже успел привыкнуть к нему. Удивительно всё же, отчего все его полунасмешливые реплики никогда не вызывают раздражения всерьёз – другой бы на его месте по-настоящему тихо ненавидел нового капитана «Демона», в мгновение ока уничтожившего всю команду корабля в приступе гнева. Может быть, он просто очень хорошо понимал чувства Темпла, у которого на глазах с безразличным цинизмом застрелили учителя: «Старик нам не нужен»? Или он просто никогда не питал уважения к тем, с кем сотрудничал раньше? В любом случае, от всех немногочисленных сентенций Ютаки веяло столь несокрушимой очевидной адекватностью, что Темплу никогда не хватало эмоций обижаться на того или перечить, даже если тот ему в лицо хихикал. «Ты ха-роший лётчик,

даааа, имперскую школу хоть в лохмотья выряди, да всё равно за горизонтом видно!» – получи он такой комплимент от кого другого, обиделся бы – но только не на этого напарника. «Выбрось в открытый космос трупы этих убитых тобой, чтоб не следить на планете, а твоего спутника мы найдём где с честью похоронить. И не ропщи на Бога, он лучше тебя знает, кому что полагается» – скажи такое кто другой, отделался бы хорошим тумакom, не меньше. Скайстон однажды обнаружил, что привык доверять мнению этого вечно напыщенного и готового к мелким насмешкам низкорослого человечка, что весело жестикулировал и намеренно коверкал космолингву в полупанибратском стиле, но при этом ни разу не сказал ничего действительно обидного или унижительного. Поэтому он без колебаний принял очередной совет – уйти вечером отдыхать в это место города, скорее похожее на прибрежный сад.

Оказывается, он ужасно устал – по сути, отдыхать ему за последние два года не пришлось, да он и не думал всё это время об отдыхе. Алые с вычурным солярным узором наручи успешно скрывали шрамы на запястьях – и он даже привык не замечать тупой боли от них в душе. Ему дважды очень повезло выжить – стоило бы радоваться этому, но ничего подобного не происходило. Пока Темпл мог только слегка успокоиться тем, что воспоминания перестали лезть в сны – уж лучше совсем без снов, чем постоянно возвращаться в ту злополучную ночь, когда он потерял голос из-за крика от бо-

ли. Минус голос, минус диплом и честная жизнь, минус даже своё имя. Но он ещё жив – а значит, есть надежда, что что-то удастся исправить. Развороченные железом руки ведь зажали? Возможно, заживёт и остальное. Хотя... руки лечили ему монахини, да и крест на шею снова надели они – а он так и не спас никого из них, угодив за решётку. В рудниках ему помог бывший ротмистр Империи – уж он-то какими чудесами слуг преисподней оказался там? Слишком поздно, однако хотя бы его убийц довелось прикончить, пусть крохотный, но плюс. Стоит ли жалеть тогда о своём загубленном имени, ведь не будь этого побега, они бы с учителем погибли оба, там ведь не живут больше года, как известно. Да и постоянные стычки с остальными осуждёнными на смерть как бы намекали на единственный финал жизни. Скайстон помнил, как он остервенело дрался, не надеясь уже ни на что. Он лишь хотел, чтоб его побыстрее забили насмерть озверевшие от постоянных неудач юнцы – слишком много их было, либо быстро завалили более матёрые уголовники – эти тоже отчего-то видели в нём смертельного врага, хотя всё, что хотел Темпл – это чтоб его просто оставили в покое. К сожалению, успешно отбивая удары нападавших, он пропустил камень, летевший откуда-то сбоку – это означало, что лёгкой смерти теперь не видать, будет только медленная и мучительная, на потеху чудовищам в человеческом обличье. Ах, как этого не хотелось – но выбора не было, контроль за происходящим был уже потерян. Кабы не вмешательство некоего старика,

которого он совершенно автоматически поддержал, не давая на прошлой неделе тому упасть в отвал с новой, узкой ещё тропы – нетрудно представить, как веселилась бы вся орава этих потерявших человеческую сущность существ, острожно разрезая «наглого мальчишку» острыми кусками руды... Как же мало нам удалось поговорить, учитель. «Жизнь прекрасна, Темпл, ты ещё молод и многое успеешь, а я рад и тому, что выпало мне. Нужно жить, Темпл». Как?! Как я буду жить, когда сам не знаю, кто я нынче и зачем?! «Бывает и хуже, учти это и помни всегда». Согласен, конечно. Но лучше? Станет ли мне хоть когда-нибудь лучше? У меня ведь теперь... даже исповедь поверхностная, где же найдётся кто-то, кого не страшно сделать своим духовником? «Не все вопросы решать тебе. Цени то, что уже имеется, пока ты жив, есть шанс». Понятно. Так значит, я что, просто боюсь отдыхать, получается? Вот оно что... Это глупо с моей стороны, верно. Так чего же я хочу, собравшись отдохнуть? Пиво от чего-то быстро закончилось, жаль...

– Скучаем или горюем? – раздался вдруг приятный женский голос.

Так, слишком отвлёкся, когда это она успела забраться на мою скамейку? На счёт три неторопливо оборачиваемся для ответа. Та-ак. Ровесница или немного младше, безупречная фигура в ничего не скрывающем шнурованном алом комби в обтяжку, шпильки и вызывающе крупное бижу – думайте что хотите, как говорится, эта шикарная брюнетка

может оказаться кем угодно. Да и не выгонять же её теперь сразу.

– Ни то, ни другое, – вежливо ответил Темпл, позволив себе только повернуться в сторону гостыи.

– Значит, не мешаю? – с лёгким вызовом осведомилась незнакомка.

– Пока нет, – Темпл с лёгкой хитринкой прищурился. – Хотя возможно, я должен бы сказать что-то вроде того, что общество такой красотишки не может быть обузой, да?

– Не должен, – спокойно ответила она, продолжая бесцеремонно разглядывать его, – но в целом сказал хорошо.

– Уже радуется, – усмехнулся Темпл. – Чем обязан?

– Хорошей погоде и моему капризу, – в тон ответила она. – Мы пока незнакомы с тобой.

– Я заметил, – ага, я ещё и улыбаться умею, стало быть? уже неплохо. – Так каприз в том, чтоб познакомиться?

– Не совсем так, но раз ты так спросил, стало быть, твой вечер свободен? – а улыбка у неё хорошая, без излишнего блеска.

Скайстон хотел помолчать, но вместо этого рассмеялся.

– Это так. Ещё и пиво закончилось. А что от меня ожидается?

Незнакомка слегка приблизилась к нему, пристально глядя в глаза. Темпл не стал сбрасывать свой взгляд – угрозы он не чувствовал, а девушка ему нравилась.

– Ожидается приятно провести время в твоей компании.

Если ты не против, конечно, – ага, в её тёмно-карих глазах появилась слабинка, она не уверена, что я согласен. Это тогда и есть аргумент, сударыня, во всяком случае, для меня...

– Вот ведь занятно, – произнёс Темпл нарочито медленно, – а я действительно не против. Проблема лишь в том, что я могу не оправдать всех возможных ожиданий.

– Ну и долго ли в этом случае прекратить разве? – она приятно смеётся, это хорошо.

– Логично, – удовлетворённо кивнул Темпл. – Так с чего начнём?

– Дай руку, – Темпл молча повиновался, и в следующий момент между их пальцами треснула искра, заставив обоих засмеяться.

– Надо же, – с каким-то весёлым подъёмом заявила девушка, – всякое бывало, но такого не припомню. Ты откуда будешь хотя бы? Впрочем, если не хочешь, не отвечай.

– Можно и ответить, – пожал плечами Скайстон. – Прямым рейсом с Ошена, сегодня утром, на недельку сюда.

– Утром с Ошена нет рейсов! Я же просила просто не отвечать, а не сочинять на ходу! – фыркнула она, но не отодвинулась, а лишь крепче взяла его руку в свою.

– Да, пассажирских рейсов нет, но я прибыл на своём корабле. У меня здесь дела.

– В таком случае мы идём ко мне, – заявила незнакомка, гораздо более требовательно посверлив его взглядом. – Мне нужна ночь с тобой, а не чепуха вроде прогулки, кафе и по-

целуя на прощанье. Пойдёшь?

Скайстон хоть и не ожидал подобной резкости, но и не удивился.

– Пойду. Но я не подарок, если что.

– Я тоже не воздушная пери, что вчера родилась, знаешь ли. Нечего время впустую терять.

Те четверть часа, что заняли у них на прогулку до квартирки на чердаке старой каменной многоэтажки, заставили Скайстона усиленно разбираться в ощущениях. Девушка крепко держала его за руку, словно боясь, что он исчезнет, если она разомкнёт пальцы. Шла она едва ли не стремительно, будто торопилась, ступая с приятной плавной грацией хищницы. Приключение могло показаться опасным, но совсем не казалось таким. С удовольствием разглядывая спутницу, Скайстон начинал радоваться где-то далеко внутри – кабы он сам встретил её раньше, то вряд ли прошёл мимо. Хотя мимо скольких красавиц он прошёл за эти месяцы, пролетевшие мигом после бегства с рудников на захваченном у контрабандистов корабле? Это что же получается, он даже не вспомнил, что есть ещё и эта премилая сторона жизни? Вот ведь замороженный кусок идиота... Или я кусок лгуна самому себе? Почему бы не сознаться просто, что боялся, оттого и делал вид, что не хотел вспоминать? И почему я сейчас не боюсь, интересно? Устал, стало быть?

Дверь тихо захлопнулась на вакуумный замок. Алый с золотом будуар в вечернем полумраке смотрелся, как шкатул-

ка бордо. Девушка порывисто обняла Скайстона за шею и наградила сильным и страстным поцелуем. Он не спеша ответил, осторожно скользя ладонями по её талии. Куртка рухнула с локтя куда-то на пол. Пальцы девушки зарылись в его гриве – похоже, ей доставляло удовольствие перебирать волосы гостя.

– Тебе снять сапоги или ты сам? – томным шёпотом спросила она.

– Похоже, ты сама это хочешь сделать, – улыбнулся Темпл. – Мне не трудно, но ты так спешишь, что остаётся только успевать.

– Угадал, – услышал он игривый ответ, прежде чем полететь спиной на постель от бесцеремонного толчка в грудь. – Но я не спешу, просто ты на меня действуешь так, что я едва владею собой. Ты можешь называть меня Зорана, это моё настоящее имя. Можешь не говорить своё вовсе до утра или сказать любое, какое тебе нравится, я всё равно не сообщаю это никому. Даже полиции, – Темпл обнаружил, что лежит уже без сапог, и с удовольствием потянулся.

– Меня зовут Саймон, – тихо произнёс он. – А твоё имя тебе подходит.

– Вот и славно, – девушка взялась за наручи, намереваясь побыстрее стянуть их.

– Нет! – резко воспротивился Темпл. – Извини, но это делать не следует.

– Хорошо, но не стоит так дёргаться, я ж не собираюсь

делать что-то неприятное тебе.

– Это долго объяснять, и я совсем не хочу это делать.

– Ну так и не нужно, – деловито-спокойно ответила девушка, полностью расстегнув его рубашу и аккуратно снимая её. – Всё равно не помешают, – она с явным удовольствием положила ладони ему на лопатки и снова заставила утонуть в поцелуе. Её руки поспешно заскользили по всей спине, потом по бокам. Нахлынула острая волна наслаждения – сколько же времени спина не знала подобных прикосновений? Даже подумать страшно, как уже далеко всё это студенческое прошлое, и как будто его уже и не было вовсе... От шквала поцелуев в шею и дальше Скайстон застонал и покрепче прижал к себе свою невесту откуда взявшуюся радость.

– Да ты же плависься, как ледышка в стакане, – услышал он и обнаружил, что его глаза закрыты, – где тебя так заморозило? – он уже хотел что-то сказать, но не пришлось. – Сейчас не отвечай, это неважно, просто отпусти себя, ничего плохого с тобой не случится, обещаю.

– Я тебе верю, иначе бы не пришёл, – выдохнул Темпл почти шёпотом, открыть глаза сил отчего-то не было.

– Это приятно слышать, я рада. Но ты же совсем закаменевший, хотя живой. Давно ничего себе не позволял, да?

– Да, очень давно, – это прозвучало едва ли не печально, но вызвало лишь бурную волну ласк, от которых совсем закружилась голова.

– Ну так нечего волноваться, подвигов бешеных живот-

ных от тебя никто не требует. Успокойся и думай только о том, что тебе хорошо сейчас, всё остальное сейчас неактуально.

Скайстон нашёл в себе силы добраться до её губ – ага, ей очень нравится, стало быть, порядок...

– Силён, – восторженно выдохнула девушка, не сразу освободившись от этого плена.

– Мне просто действительно хорошо, – шепнул в ответ Темпл. – И хорошо, что ты появилась, Зорана.

Она весело засмеялась, озорно сверкнув глазами, и с силой повалила его снова на спину. Её ладонь скользнула по рёбрам к бедру, и тут Скайстон с ужасом обнаружил, что от этого прикосновения чуть ниже талии его тело дёрнулось, как от мощного разряда электричества. Девушку это озадачило, но вовсе не смутило.

– Так, не бойся, это бывает, хотя и редко. Ну-ка, перевернись спиной вверх, разберёмся, что с тобой не то.

Темпл молча повиновался, но почувствовал, что горло начинает давить страх. Он не знал, как с ним справиться и что предпринять, и только стиснул зубы в надежде, что его не начнёт бить дрожь. Однако после первых же жёстких поглаживаний по спине эти опасения подтвердились.

– Тихо, тихо, тебе ничего не угрожает, бояться нечего, – услышал он заботливый и деловитый тон Зораны. – Похоже, тебя просто когда-то ударили сзади, вот ты и дёргаешься. Было такое, да?

Скайстон молча кивнул, говорить было слишком трудно. Руки девушки взялись мять его спину. Это было приятно, даже очень, но какой-то слишком жёсткий прут, в который вдруг превратились его нервы, не давал совершенно наслаждаться этим.

– Да у тебя не спина, а пласт железобетона, – с некоторым удивлением сообщила ему Зорана. – Ты что, в камнедробилку нырял однажды? Не отвечай, я просто констатирую факт. Сейчас мы это безобразие ликвидируем, не нервничай.

– Очень верное замечание, – через силу, но вежливо ответил Темпл. – Именно так оно и было, по сути.

– Не вспоминай это сейчас и расслабься, – участливо посоветовала она в ответ. – Я отлично вижу, что ты битый, но это можно исправить, не сомневайся.

– Хорошо, если так.

– Просто спокойно лежи.

Однако очень скоро массаж стал причинять нешуточную боль. Заметив это, Зорана сменила тактику, быстро и осторожно нажимая пальцами над ключицами и лопатками. Но несколько раз эти несильные прикосновения заставили Темпла неожиданно вскрикнуть – несмотря на все предосторожности.

– Не стоит стесняться, это совершенно нормально, – успокаивала его девушка. – Кроме того, это только начало, судя по всему.

– Будет ещё больше? Я вынесу, если надо, – пообещал

Темпл.

– Не в этом дело, хотя и это возможно. Твоя спина забита сверх всякой возможности, и это трудно преодолеть сразу. Я не знаю, в какой преисподней тебя мариновали, но назвать это всё иначе не представляется реальным. Однако придётся довести начатое до конца, иначе ты просто не справишься один. Так что не пугайся, что бы не случилось. В итоге всё будет хорошо, поверь.

– Я даже представить не мог, что всё так серьёзно, – озадаченно пробормотал Скайстон. – Хотя насчёт преисподней ты сказала верно.

– Не рассказывай, тебе и так тяжело. Скоро пройдёт, не грусти, – её руки снова взяли мять мышцы на спине, и те взялись заполняться каким-то лёгким, но обжигающим пламенем. Голова предательски закружилась.

Не успел Темпл полностью уяснить себе смысл предупреждения, как всё начало меняться не в лучшую сторону. Сначала он просто вскрикивал от каждого резкого нажатия, уже не в силах сдерживаться. Потом тело словно затопило кислотой, и он с немалым удивлением обнаружил, что самым натуральным образом рыдает и захлёбывается. Сколько времени продолжалось это наваждение и что при этом происходило – он не знал. Это действительно было тяжело физически и сильно выматывало, не поддаваясь никакому контролю. Он смутно помнил, что Зорана то и дело вытирала его слёзы платком, что пару раз давала ему стакан с каким-то

шипучим питьём, гладила его по волосам и шептала что-то успокаивающее.

Но наконец в какой-то момент кошмар отступил, и душившая пелена растаяла. Скайстон понял, что лежит уже на спине, которая хоть и продолжала жечь жарким пламенем, но больше совсем не беспокоила, и непривычно легко и глубоко дышит. Во всём теле разлилось совершенно непривычное спокойствие, и сейчас было заметно, насколько сильно, оказывается, оно было напряжено во всех мышцах раньше. Голова гудела страшно, но это было скорее приятно, чем причиняло беспокойство. Зорана сидела рядом, натирая полотенцем свои руки, порозовевшие до локтей – от струи холодной воды, в которой она держала их несколько минут, как выяснилось – и улыбалась, очень довольная собой и состоянием гостя. Хотя руки её также не были бледными – субарское солнце щедро наградило её ровным золотистым загаром, который выгодно оттенял и яркие своенравные брови, и украшал не излишне пышную, но вполне крепкую грудь – по всей видимости, не тронутую хирургом.

– Ну что, ожил? – превесело констатировала она, чуть повернувшись всем корпусом к гостю. – Разве можно, будучи лётчиком, пренебрегать услугами медсестёр, а? Этак лет через пяток ты бы сжёг себя к чёрту и умер. А мне бы этого очень не хотелось, учти, – последнее было произнесено прежним тоном, когда глаза были достаточно бездонными.

– Так ты... – Темпл не закончил фразу, так как Зорана на-

рочито хлопнула длинными ресницами в знак согласия, и её тонкие губы сложились в ещё одну довольную усмешку, которая, правда, только украсила её, несмотря на пышные щёки и острый подбородок.

– Но пока ещё не полностью доучилась, осталось два года, – с грустью сообщила она тут же. – Однако я рада, что учёба мне так вовремя пригодилась. Ты уж, пожалуйста, больше не доводи себя до такого, ладно?

Скайстон почувствовал, что становится непривычно для себя спокойным, как будто в него только что влили полный боекомплект хладнокровия.

– Это не моя вина, знаешь ли, – невозмутимо сказал он и сделал то, что ещё вчера казалось ему просто немыслимым – расстегнул застёжку на правой руке и обнажил запястье полностью. – Видимо, это последствия вот этого, а я и вправду не подумал.

Зорана не выдала никакой негативной реакции, только быстро взяла эту руку и поднесла к лицу, внимательно рассматривая. Вид у неё стал деловито-озабоченный, и она испустила глубокий грустный вздох.

– Не знаю, чем это сделано, но болевой шок при этом мог тебя убить в первые два часа. Как скоро тебе смогли оказать помощь? Впрочем, наверное, спрашивать мне не стоит.

– Тебе уже можно, – спокойно пожал плечами Темпл. – Если считать точно, то помогли мне часа через четыре, как не больше, да я и не помню уже этого момента. Я помню, что

меня оставили, сочтя умирающим, а потом я долго пробирався в темноте, потому что увидел какой-то огонёк. Когда я понял, что вижу лампаду и свечи в часовне, я отключился и пришёл в себя только через несколько суток.

– Идти с такими травмами и в темноте! Более чем впечатляет..., – она уселась совсем близко.

– Я не шёл, – бесцветно сказал Темпл. – Я вообще почти не помню этого, мне перебили ноги ниже колен, чтоб идти не мог. Но как-то добрался.

– И... кто это тебя так основательно, уж извини за вопрос? – она осторожно обняла его за плечи.

– Поклонники Белиала развлекались. Потом были ещё весёлые приключения, но мне уже не хочется портить тебе настроение дальше, – Темпл бесцеремонно подмигнул и уже не стал отводить взгляд.

Зорана серьёзно покачала головой:

– Ты ничего не испортил. Наоборот, оказал мне услугу, позволив применить мои умения. Но рассказывать помногу зараз действительно не стоит. И..., – она не договорила, потому что Темпл резко сжал её в объятиях и притянул к себе.

– Вернёмся, с чего начали, – рычащим шёпотом сказал Скайстон, рванув с неё комби левой рукой, – теперь моя очередь тобой заняться, – и впился в её губы со всей страстью оголодавшего до предела.

Снова говорить Зорана могла бы только утром – но ей уже было не до того, она спала крепким сном на плече Темпла,

израсходовав весь свой хвалёный запас выносливости. Он тоже не особо желал просыпаться.

Однако яркий луч субарского солнца разбудил его, безжалостно полоснув по ресницам. До чего неудобная планировка, подумалось автоматически – в детстве он мог часами смотреть на вечернее солнце в окне своей комнаты, наслаждаясь зелёным полумраком, здесь это немыслимо, и, надо полагать, квартира обходится дёшево в таком случае. Тем более, столь крохотных размеров, со встроенной мебелью и с портьерами вместо переборок. Что ж, если дальнейший сон – к чёрту, то и нечего жалеть. Самочувствие было фактически отличным – просто пропасть между вчерашним вечером и теперешним состоянием. Виртуальный осколок тоски никуда не делся, конечно, но сидел себе тихо внутри и не беспокоил, притворившись несуществующим – так ему, гаду, однажды он меня, конечно, прикончит, но до чего приятно ощущать, что это будет совсем не скоро. Темпл с удовольствием полюбовался спящей девушкой – она спала очень крепко, но по-прежнему держалась за его ладонь, будто боясь его исчезновения. Это смотрелось столь трогательно, что вызывало только нежную улыбку. Совершенно растрёпаное жаркой ночью каре оттенка черноты космоса выглядело и во все беззащитно, рассыпавшись по хрупким плечам – так вот зачем ей комби, а не декальтированный коктейль, чтоб смотреться солиднее.

Летнее утро, конечно, не было холодным – но впервые

за два года не хотелось закутаться в плащ, поэтому куртка сгодилась лишь на то, чтоб достать из её кармана пачку кредиток, которые Скайстон спрятал в выдвижной ящик прикроватной тумбочки поверх груды пластинок электронных книг, оставив ящик чуть выдвинутым. Через полчаса нужно быть уже не здесь – иначе Ютака забросает браслет связи вызовами, он не выносит непунктуальности, она его просто бесит – а будить Зорану совсем не хочется. Как назло, ни карандаша, ни клочка бумаги в этом будуаре – ну разве можно настолько доверять электронике, эх, а ещё студентка... Может быть, просто молча уйти и хорошенько запомнить адрес – похоже, Зорана всё же живёт здесь, а не только ночует, но что, если это не так и она просто пользовалась чужими ключами на ночь? Ну вот, как всегда, последняя застёжка щёлкает громче удара грома для сонного человека, проверено. Жаль.

Зорана взметнулась, как от удара или сильного испуга, и полным беспомощности жестом протянула к нему руку. В её взгляде было столько молчаливой мольбы, что расстрогался бы и камень. Скайстон не заставил себя ждать – тепло улыбнувшись, он уселся на постель и осторожно обнял её за плечи.

– Ничего страшного, мне просто надо уйти по делам. Не волнуйся, – ласково сказал он и осторожно поцеловал.

– Прости, – она снова схватила его за ладонь тем же спокойным жестом и грустно вздохнула. – Мне всего лишь

очень хочется увидеть тебя ещё раз, вот и всё.

– Значит, увидишь, – с улыбкой заверил Темпл. – Я вернусь сюда вечером, хочешь?

– Ты правда вернёшься? – ну зачем же так нервничать, ничего не понимаю, право.

– Слово негоцианта, – он сказал это серьёзно, но весело подмигнул.

Зорана глухо застонала.

– Ну зачем ты сочиняешь на ходу? – обиженно упрекнула она, мотая головой – волосы у неё мягкие и доставляют удовольствие, цепляясь за лицо. – Какой же ты негоциант, болтай такое абитуриенткам из дальней деревни, – увидев вопросительный взгляд Темпла, она решила пояснить с прежним апломбом. – У негоциантов в глазах злоба и куча денег, да ещё пустота. Ты совсем не то, не прикидывайся.

Скайстон от удивления даже покачал головой.

– Ну и кто же я тогда, по-твоему?

Зорана воззрилась на него прежним бездонным взглядом, полным желания и нежности.

– Ты имперский лётчик либо аристократ, а то и всё вместе, ты сюда по делам инкогнито приехал, возможно, у тебя даже и мелкие неприятности, а я тебе мешаю – вот ты и врёшь, чтоб не лезла куда не следует. Вот я и боюсь, что ты уйдёшь насовсем, а я не хочу – ведь твоей спиной ещё нужно заняться, кроме того.

Темпл почувствовал, что где-то внутри ему становится

очень тепло, абсолютно забытое ощущение, но до невозможности приятное. Он на пару секунд даже прикрыл глаза, чтоб в полной мере насладиться этим потоком спокойствия и уверенности. Затем глубоко вздохнул и наградил Зорану крепким поцелуем.

– А я хочу, чтоб ты мне просто поверила – я вернусь, как и сказал. Не сомневайся, пожалуйста.

– Хорошо, Саймон, тогда до вечера, – она с тяжелым вздохом отпустила его руку. – Возвращайся.

Скайстон ярко улыбнулся и поправил пышную прядь её волос, отодвинув её со лба, затем неторопливо встал.

– Тогда будешь называть меня Вальтер. Я приду вечером раньше на полчаса, жди.

Хориа, не смотря на свою аккуратную извечную сдержанность, встретил его не просто радостной улыбкой, но восторженно взмахнув руками – совсем нечастый жест у него. Скайстон видел, что его обычно хладнокровный компаньон увидел его ещё издали, и с интересом смотрел на него, делая вид, что интересуется утренними облаками над горизонтом. Уж что там он углядел в напарнике – непонятно, но явно был увиденным очень доволен, и его раскосые глаза сияли настоящей радостью. Может быть, именно искренностью своих эмоций он и вызывал к себе доверие?

– Ах, сегодня у нас будет очень удачный день, Скайстон, это несомненно! Хорошо отдохнувший капитан – ничего

не может быть лучше для дела, да-да!

Темпл по обыкновению молча пожал плечами — он и не думал, что его плавные поневоле движения так заметны. Или же дело в окрепшей осанке? Впрочем, ерунда, главное, он не опоздал — претензий не будет — а новые компаньоны его вовсе не знают. Хория с явным удовольствием подмигнул:

— Может, хочешь позавтракать? У нас есть ещё полчаса, я просто вчера тебе не сказал об этом.

Скайстон покачал головой и резко кивнул в знак согласия:

— Ты ещё скажи, что знал, что я ночевать не приду, — фыркнул он, изображая недовольство.

Ютака с назидательным видом поднял вверх указательный палец, не переставая улыбаться:

— Я очень надеялся, что произойдёт всё так, как произошло! И ты был столь хорош, что не обманул мои ожидания. Это здорово. Идём, тут рядом готовят кое-что достойное тебя, не сомневайся.

IV

Скайстон плохо помнил детали того дня, точнее, при желании их можно было, наверное, выковырять из памяти, если бы оно появилось, такое желание... Правда, вероятность его появления была равна нулю, только и всего. Зато он прекрасно помнил вечер и ночь. Помнил перепуганную Зорану – было б чего бояться, букет в половину его роста вещь совсем не страшная, а чего было так волноваться, если сама готовила ужин гостю – вообще неясно. Сцену ему из-за денег устроила – вообще чушь какая-то, когда они были у студентов, пришлось сказать, что алый комби ему не очень нравится, пусть чего поспокойней себе купит да и нехорошо это – пользоваться услугами медсестры безвозмездно, ага. Помнил, как хорошо было после, ведь кроме спины беспокойная подруга ещё занялась его ногами. И уже неспешную, жаркую ночь в объятьях друг друга.

Потом всё слилось в один тихий, но радостный поток, похожий на дуновение свежего ветерка в жаркую погоду. Сады, водопады, вино, поцелуи, звёздные ночи, какие-то уютные горные озёра, где Темпл так полюбил плавать, что Зорана довольно скоро выучилась тоже... Она ни о чём его не спрашивала, только всегда с сильной тревогой смотрела на него на прощание и с безудержной радостью кидалась ему на шею при встрече. Он молча улыбался и слушал, как сту-

чит её сердце, а потом принимался тихо целовать её. Ночью он показывал ей на небе, где успел побывать, что означает каждая звезда – только вечно не мог понять, интересно ей на самом деле или она просто обожает слушать его голос. Она не знакомила его ни с кем из своего окружения, хотя несколько раз он заставлял, когда она резко давала кому-то отповедь по браслету связи, прежде чем отключить связь совсем. Он молча наслаждался её обществом, видя опытным взглядом, что занимает в её душе столь значительное место, что она не живёт в его отсутствие, а только ожидает новой встречи. К счастью, надолго в космосе пропадать не приходилось, Ютака Хория блестяще вёл дела с субарцами и через год вежливо посоветовал прикупить очень симпатичный домик в пригороде столицы. Это предложение Скайстон принял ещё через год, но скрыл покупку от подруги, подумывая о том, как преподнести вполне логичный с его точки зрения сюрприз и решив дождаться, когда ей вручат Золотой сертификат медсестры – ведь тогда можно будет на законных основаниях прокатить её на «Демоне», существование которого совершенно не было интересно его девушке, как оказалось.

Сертификат Зоране вручили Платиновый, столь сильно за последние два года она оставила за спиной других студенток своими успехами в учёбе. Это вызвало очень мощный укол ревности – ведь это означает, что обладательница такого документа при желании может быть автоматиче-

ски зачислена в штат Имперского космофлота. Конкурировать с имперскими лётчиками не всегда могла позволить себе даже родовая аристократия – куда уж там простолюдину с амбициями, хоть по факту и равному выпускникам Академии, но без диплома, а следовательно, и без мундира. Оставалась только одна надежда спасти положение в виде немедленного предложения руки и сердца, однако даже среди субарцев нелегко было бы найти священника, который молча бы обвенчал неизвестную ему пару. Хория обещал помочь, но и ему требовалась неделя на такой вопрос. Кроме того, венчаться под чужим именем... этак можно и скоропостижно скончаться во время таинства, как известно. Впрочем, если ограничиться для начала обручением – а после уладить все проблемы с именем, хотя бы до Саймона Флэша, то шанс был. В конце концов, Темпл Скайстон погиб в рудниках под отвалом – именно так и сообщили в своё время куда следует во избежание неприятностей для всех, и с этим следовало смириться всем, даже ему самому... Ах, можно подумать, это так легко сделать – вот взять и забыть вообще, всё, ага. И детство на реке, и учёбу, и приятелей из Академии – разве они виноваты, что были уже на практике и не знали, что с ним случилось? Да и семья Курио прекрасно к нему относилась и даже пыталась помочь, когда он оказался в тюрьме – не их вина, что их усилий оказалось недостаточно. Жаль, что вернуться и встретиться с ними не представляется возможным...

– Вальтер, ты слишком долго молчишь и хмуришься! В чём дело? – что-то я и вправду раскис, раз стало заметно. Ну ладно, рискнём, хотя именно сейчас рисковать я очень опасаюсь...

– Я думаю о нашей свадьбе, вот и отключился малость, ничего страшного, – так, взгляд в небо, быстро, и смотрим на реакцию сбоку...

– Та-ак, я не ослышалась, стало быть? – ну, вспышка, всё понятно, но где же прилив радости, что я опять упустил? – Разве это уже дело решённое? – не понял, или это опять просто поворот в танце, которые она так любит? Ладно, уже можно повернуть голову и посмотреть ей в глаза. Спокойно, Вальтер, ты же не Темпл Скайстон, чтоб завестись с пол-оборота, верно? Твоя задача быть мягким и невозмутимым, осторожно, пошёл!

– Зорана, тебя удивляет разве такое моё поведение? Я всегда успею отгрохать любую церемонию предложения стать моей женой, а сейчас меня интересует только твоё мнение об этом. Если я тебе показался хмурым, то лишь потому, что не считаю дело решённым заранее – а это заставляет волноваться, и серьёзно.

Ах, какой самоуверенный жест плечами – но это может и означать что угодно... Даже опасность.

– Ты действительно меня удивил, и уже дважды. Вальтер, я же заметила, что ты не рад чему-то, не отвлекай меня другой темой, – бесполезно, я ничего не чувствую от неё, да-

же тепла. Что-то не так, но что? Ладно, разве нам привыкать лезть сквозь огонь, искренность – тоже оружие, хоть и неудобное на редкость...

– Я приревновал тебя к Имперскому космофлоту, вот и вся недолга! Может быть, тебя и устраивает наше положение – меня уже давно нет, и что странного в желании жениться? Ты уже полгода не даёшь мне случая сказать об этом, и мне досадно, что я опаздываю до сих пор! – и теперь не торопясь, не торопясь, аккуратно отшнуровываем плащ – пусть будет понятно, что я всё-таки спешил на встречу, это же правда.

Бездонные глаза Зораны неприятно потемнели, она упрямо закусил губу и уложила ладони себе на талию.

– Нужен мне был аж три раза Имперский космофлот, глупость изрядная. А наше положение меня давно не устраивает – достало меня бояться каждую ночь, что ты из космоса не вернёшься однажды. Хочешь жениться – не вопрос, хоть завтра, но при условии, что летать ты больше не будешь, хватит мне нервы мотать. Я получила выгодное распределение в клинику доктора Кумасиро, так что денег теперь хватит на двоих вполне.

Несмотря на всё хладнокровие в боекомплекте, Скайстон рухнул в кресло, слегка покачнувшись. На то было целых две причины, и первая – настоящий шок от столь пренебрежительного отношения к делу всей его жизни. Ну что значит не нужен Имперский космофлот, что за идиотская пози-

ция, от такого адекватные люди в здравом уме и трезвой памяти не отказываются никогда! Кому интересны в Империи амбиции провинциального докторишки, будь он хоть местным Асклепием?! Да кабы был бы, не сидел бы здесь, а давно работал при дворе Императора! Вот так взять и разменять настоящее сокровище – статус медработника космofлота, на какие-то дешёвые леденцы в лавке, у Зораны вообще ум в таком случае имеется, или он влюбился в фантик от ребячьей конфетки? Ну, а вторая... Скайстон почувствовал, что воротник куртки начинает его душить – такого он за собой вообще не припоминал, и, расстёгивая ворот, вдруг ослеп на секунду от страшного воспоминания. Подошва женской лодочки с высоким каблуком, у него на горле в проклятую ночь в лесу, когда его схватила банда поклонников Белиала, и густой голос их командирши: «Так ты отказываешься петь для меня? Тебе придётся пожалеть об этом!». Эрида Дорас, а ведь ты ошиблась, я не жалею, что отказал, хоть голоса у меня теперь нет, – и если ты всё-таки жива, я припомню тебе не себя, а разорённый монастырь...

– Вальтер, что это с тобой сегодня, ты слишком бледен, устал, что ли? – что за металл в твоём голосе, Зорана, неужели я для тебя только игрушка, которую жаль сломать или потерять? Я ведь живой, хоть и ранен...

– Что ты такое несёшь, Зорана? – севшим почти до шёпота голосом ошеломлённо произнес Темпл. – Что значит «лгать больше не будешь», ты в своём уме? Я лётчик, я только

это и могу, ты вообще хоть раз видела, как это происходит? Давай-ка я устрою тебе экскурсию в космос на моём корабле, чтоб не было больше таких заявлений. Там и обручение оставим – пусть твои подруги обзавидуются.

– Тебя послушать, Вальтер, так ты родился в этом космосе! – тон был очень недовольный, и это угнетало ещё больше.

– Да, так и было, на имперском крейсере по пути от границ дальней коротации, и что? – с вызовом прошипел Темпл, уже не особо сдерживая раздражение.

– А то, что в гробу я видала эти ваши межзвёздные перелёты! А также обязанность вас оттуда дожидаться! Я патриот своей планеты, и на ней можно жить вполне прилично без необходимости глупо рисковать. И... мне нужен муж, а не бродяга, – итак, роняя такие слова, какого позитива она ждёт в ответ, любопытно?

– Очень интересно тогда, чем может заниматься твой муж, – нарочито спокойно полюбопытствовал Темпл.

Будь Зорана повнимательней в этот момент, она бы поняла, что между ними уже начала развертаться пропасть. Но она была слишком самоуверенна в своей доминантной роли и желании блеснуть.

– Да чем угодно – для бизнеса возможностей полно, у нас даже таксисты хорошо зарабатывают!

– Ага, и уборщики тоже, – совсем тихо и ровно сказал Скайстон. – Подай мне ножницы для бумаги, пожалуйста.

– Зачем?

– Я попросил, окажи любезность, – она машинально выполнила, уже заметив, что глаза Темпла наливаются холодным сиянием дальних звёзд, но ещё не отдавая себе отчёта в происходящем. – Спасибо.

Скайстон не торопясь поднялся на ноги. Затем с лёгким вздохом, как человек, уже принявший решение, молча взялся резать пряди своей гривы ниже уровня подбородка. Он делал это со странным спокойствием, не глядя на Зорану, которую это зрелище повергло в безмолвный ступор. Светлые, как летнее субарское солнце в полдень, яркие клочки резво сыпались на бордовый ковёр, не то создавая этим простым падением ужасающую нереальность действия, не то придавая ему особое величие. Закончив, Темпл холодно усмехнулся, бросил ножницы совершенно испуганной уже их хозяйке и молча взялся пришнуровывать плащ к куртке.

– Вальтер, зачем это? – смогла наконец выговорить Зорана, почуяв всё же неладное.

– Вальтер кончился – этот бродяга опять двинул в свой космос, и у тебя нет необходимости его оттуда дожидаться, – невозмутимо пожал плечами Скайстон, застёгивая ворот куртки. – Это, – он указал небрежным жестом вниз, – всё, что от него осталось в этом мире. Кажется, был неплохой парень, верно?

– А... ты... – ах, так она так ничего и не поняла до сих пор, ну, значит, я прав, хоть и не хотел этого...

– А мне пора, сударыня, всего доброго, – Скайстон це-

ремонно поклонился, развернулся спиной и неспешно двинулся прочь. В наступившей душной вечерней тишине где-то послышался грохот обвала, но было ясно, что этот шум не имеет реального источника. Каблуки сапог вдруг вздумали стучать по ступенькам лестницы – обычно обходилось без этого, но, оказывается, в этой старинной постройке ступеньки из настоящего природного камня. Когда капитан «Демона» уже оставил за собой первый пролёт, Зорана выскочила из квартиры с каким-то невнятным криком, оборвавшимся, как только их взгляды встретились. Против воли Скайстон чуть помедлил, остановившись. Девушка тоже застыла на верхней площадке, приняв очень уверенную позу.

– Вернись, – негромко потребовала она.

Темпл вежливо, но отрицательно мотнул головой и молча двинулся к выходу, не особо спеша, но и не стараясь медлить, а спустившись, перешёл на спокойный, но быстрый шаг. Даже желая его догнать, теперь это было проблематично – особенно в неприспособленной для широкого шага женской обуви. Тем не менее, ещё в подъезде он резким движением осенил себя тройным крестным знамением – и в этот момент вспомнил, что его подруга не носила канонического нательного креста, предпочитая стилизованные затейливые бижу. Захотелось горько засмеяться, но Темпл подавил это желание. Как назло, затрещал браслет связи – но это оказался Ютака Хория:

– Прости, что беспокою тебя в недолжный для этого мо-

мент, на кое-что потребовалось очень срочно уточнить. Ты можешь уединиться на пяток минут и поговорить со мной?

Скайстон против желания всё же усмехнулся:

– Я свободен, Ютака, и весь в твоём распоряжении хоть на весь вечер. Где увидимся?

Собеседник вежливо кашлянул – это означало у него сильное удивление.

– Тогда я жду тебя как можно скорее в кафе «Даймё». Будь сейчас осторожен, хотя у меня и нет плохих новостей.

– Я постараюсь, – вежливо пообещал Темпл, и, уже отключив связь, понял, что обрадовался.

Но неспешной прогулки не получилось – ноги так и не желали сбавлять взятый темп, будто опасаясь стать ватными, и Скайстон махнул рукой на тот факт, что его продвижение по мощёным диким камнем улочкам со стороны было очень заметно. И как давно он привык делать вид, что его нет на местности? Сразу, как превратился в Саймона Флэша, стало быть? Экая глупость с его стороны, однако – он же не насекомое, чтоб оставаться незамеченным окружающими, достаточно просто сделать непроницаемое лицо, глядя сразу везде и в никуда. Вот и всё, так гораздо легче дышать, особенно вечерним воздухом. Для гуляющих горожан, как было видно по их реакции, он вовсе не вызывал подозрений – разве что некоторую искреннюю симпатию, большинство проводивших его взглядом точно также смотрели бы на любой понравившийся им объект, вне зависимости от сте-

пени одушевленности предмета. Хотя вот девушки и дамы... да, очень конкретный интерес, без сомнения, но тут уже пора посмеяться над самим собой – было бы вовсе скверно, не будь этого интереса в природе, верно? Тем более, что он на голову, как не больше, выше местных мужчин и не темно-волосый, как они. Но даже останавливаться на ком-то взглядом Темпл не хотел – осколок тоски внутри получил-таки сегодня солидную порцию обиды для роста и зашевелился внутри. Хотелось уйти куда-нибудь на безлюдный берег и улечься там, закрыв лицо руками – но именно этого сейчас и нельзя, и это очень хорошо.

Кафе «Даймё», несмотря на то, что до темноты было ещё прилично времени, яростно ошетинилось и всю мигало праздничной иллюминацией, будто желало всему свету сообщить, что именно в нём сегодня будет происходить что-то феерическое и достойное внимания. Едва Скайстон ступил на каменные плиты летней террасы, как справа будто из-под них вырос вечно улыбчивый и постоянно кланяющийся субарец в форме служащего заведения:

– Вас ждут, позвольте проводить.

Темпл молча кивнул и двинулся за ним, машинальным движением правой руки расстёгивая куртку. Расстегнув до половины, он опомнился – разве вечер душный или он шёл слишком быстро? И отчего вдруг так резко испортилось настроение, этак через четверть часа ещё взвыть захочется. Хория сидел с озабоченным видом на второй террасе за пу-

стым столиком, и Темпл негромко сказал сопровождающему:

– Распорядись для меня – литр бренди постарше и засахаренного имбиря к нему.

Тот исчез, отвесив нужное число улыбок и поклонов, и Скайстон не без тайного удовольствия развалился в кресле напротив напарника, закинув руки за голову и водрузив правую ногу на левую.

– Всё в порядке, – спокойно сказал он при этом. – Теперь слушаю тебя.

Хория смотрел на него очень внимательно чуть больше минуты, затем заговорил внешне спокойно:

– Итак, ты поссорился со своей тян, надолго ли это? Прости, что спросил, но сейчас и это важно.

Скайстон потянулся, тихо вздыхая, и ответил очень ровно:

– Я расстался с ней. Так что если нам предстоит что-то длительное, то всё к лучшему.

Хория недовольно покачал головой и сделал пальцами раздражительный жест.

– А ты силён. Но наши юбки все в массе такие дуры, жаль, что это и тебя коснулось.

Темпл вяло улыбнулся в ответ.

– Говоришь так, будто знаешь причину. Однако спасибо за участие.

У стола возник фиолетовой тенью официант, молча по-

ставил на него заказ и исчез. Хория раздражённо скривился и проверещал, явно издеваясь над женской интонацией разговора:

– «Ютака, ты занимаешься очень опасным бизнесом, почему бы тебе не перейти на что попроще, например, торговлю фруктами», – затем, ядовито фыркнув, продолжил своим голосом. – Тут и знать нечего, как видишь.

Скайстон признался себе, что был невнимателен – его напарник старше его на шесть лет, однако тот ни разу не упомянул, что был женат или что-то в этом роде...

– Мне жаль, что я причинил тебе столько хлопот, – грустно сказал он, наливая себе бренди. – И ты прав. Но давай уже о деле тогда, – и опрокинул в себя половину бокала.

– Сначала выпей, сколько чувствуешь нужным, тогда и приступим. Тебе нужно отрезать то, что причиняет дискомфорт, так что сейчас тебе алкоголь никак не помешает.

Темпл налил себе ещё, но поставил бокал и указал пальцами себе на плечо:

– Я уже отрезал то, что было лишним, а напиться мне, пожалуй, можно будет и после того, как переговорим.

Хория посмотрел на него очень серьёзно, одобрительно кивнул и извлёк на свет божий некий внушительного вида документ, с почтительным кивком протянул его собеседнику:

– Держи. Оно вполне стоит тебя, оказывается. Ты ещё ни разу не разочаровал меня, надеюсь, этого и впредь не слу-

чится никогда.

Скайстон молча порадовался, что он удобно сидит. В его руке был имперский паспорт на имя некоего Вальтера Рейнхарда, с его личными данными... Темпл аккуратно положил сокровище в карман, затем уселся ровнее, поставив локти на стол и уронив лицо на ладони.

– Ютака, но он же... настоящий. А я – нет. Это слишком рискованно, я боюсь. Это же не простая фамилия...

– Совершенно напрасно. Твои опасения делают честь твоему уму, но в данном случае всё учтено и чисто. Никто не пострадает, пока ты будешь пользоваться этим документом, а пользоваться придётся, если ты вообще хочешь однажды стать самим собой. Но даже если и не хочешь – ты слишком ценишь своё имя, чтоб полностью превратиться в ничто, так что пока выбора нет.

– Что я буду должен делать? – упавшим голосом проговорил Темпл, не шевелясь.

– То же, что и раньше – корпорации нужен лётчик, то есть ты. На несколько рейсов, дальше доживём сперва.

Темпл почувствовал, что его бросило в жар, и он уставился в упор на собеседника.

– «Субару синрабансёу»? Я тебя правильно понял? – он вдруг вспомнил, что видел мельком на дальней парковке груду очень солидных стильных эклекаров с символикой этого крупнейшего в этом домене Галактики концерна.

Хория обрадованно закивал, улыбаясь.

– Я доволен, ты меня никогда не подводишь. Тебе ведь нравится предложение, да?

Скайстон кивнул, размашистым жестом осушил бокал, поставил его на стол и откинулся в кресле на спину.

– А что с этим аристократом, чьё имя мне присваивают?

– Мизантроп и холостяк, мёртв уже несколько лет, хотя свидетельства о смерти так в природе и не существует. Просто не вернулся однажды из одиночного рейса. Забыт всеми и прочно. Думаю, он простил бы тебя, зная, что с тобой однажды случилось.

– Откуда такая уверенность?

– Этот человек известен тем, что одно время преследовал секты поклонников Белиала. Поэтому никто и не удивился его исчезновению.

Темпл почувствовал, что ему стало тяжело дышать.

– Когда он исчез? – едва слышно осведомился он у Ютаки и слабым жестом попросил налить себе ещё бренди.

– Около четырёх лет назад, – откликнулся тот и подал ему наполненный бокал, осторожно приблизившись. – Ты слишком бледен, сначала отдышись, потом пей. Сегодня у нас будет длинный вечер.

Скайстон с видимым трудом перекрестился и взял бокал.

– Хорошо, тогда я согласен. Ты-то хоть с этого имеешь какую-нибудь выгоду?

Хория наклонился и сказал ему почти на ухо:

– Скажу, раз спрашиваешь. Если мы сегодня всё сделаем

хорошо, меня берут в долю, – после чего вернулся на своё место.

Темпл выпил бренди и взялся неспешно жевать имбирь.

– Излагай.

– Закончим наше и перейдём к общему. Я полагаю, что тебе пора стать рантье, раз твоя женитьба не состоялась.

– Я ещё об этом вообще не думал, но соглашусь с тобой, – угрюмо кивнул Скайстон.

– Тогда завтра утром я тебе всё представлю на подпись. Я хочу, чтоб было кое-что, чтоб я мог знать, что с тобой порядок – кроме тебя, ренту никто не сможет забрать.

– Вечно ты перестраховываешься, но спорить не буду.

– Это моя обязанность, а риск – твоя работа. Даже по найму в «Субару синрабансёу» – держи своё удостоверение, действительно с любым паспортом, если оно в твоей руке, в чужой оно блокируется.

Темпл спрятал полученное в карман и грустно вздохнул, покачав головой. Должно быть, в его глазах успело промелькнуть нечто, слегка встревожившее его напарника, либо у того просто была слишком развита интуиция. Хория вдруг плавным, но быстрым жестом положил свою ладонь на запястье Темпла и тихо заговорил, глядя ему в глаза. Это было тем более странно, что субарцы не позволяют себе тактильных контактов без слишком серьёзной на то причины, разве что речь может идти об угрозе жизни.

– Послушай, Скайстон, – в голосе напарника не было ни

следа обычной вежливой бравады, только совсем непривычная искренняя забота, – это всё не навсегда. Послушай меня, пожалуйста, Темпл, ты ещё будешь владеть своим именем, оно не погибло в прошлом. Ты обязательно снова станешь собой, причём гораздо в лучшем качестве, чем ты можешь себе представить сейчас. Имя Рейнхарда тебе подходит, ты сам на него очень похож, случайных совпадений не бывает во Вселенной, стало быть, в этом есть что-то очень важное. Возможно, он хочет что-то успеть с твоей помощью, взамен давая тебе то, чего ты несправедливо лишён сейчас. Будь ты не годен для того – мы бы вообще с тобой не то что сейчас не разговаривали, а и не встретились даже.

Скайстон с сомнением покачал головой.

– Возможно, ты и прав. Я даже хотел бы, чтоб это было так. Что за беда, если я уже дал согласие?

– Беда в том, что ты мучаешься, а это мешает тебе выбираться. Ты должен понять, что сможешь, иначе некоторые мрази могут праздновать победу над тобой, зачем им позволять это?

Укол достиг цели, и Темпл был благодарен за это напарнику. Но дискомфорт не желал убираться, и Скайстон грустно проговорил с бесцветной будничной интонацией:

– Думаешь, меня хватит? Я даже не аристократ. Я могу на чём угодно провалиться.

Хория даже фыркнул, хотя и очень вежливо:

– А почему ты об этом говоришь так уверенно, разве ты

знаешь своего отца? Ты сам себя ещё толком не знаешь, на что ты на деле способен, а уже делаешь поспешные выводы – они тебе только вредят. Я наблюдаю за тобой достаточно, и когда ты ведёшь себя естественно – у тебя всё получается, так зачем воспринимать всё слишком всерьёз? Будь самим собой, большего от тебя не требуется. Кто тебя надушил сегодня подстричься, а? – с нажимом спросил он с некоторой хитринкой.

– Никто, я сам. Почему ты об этом спросил? – искренне изумился Темпл, не шевелясь.

В глазах Хория промелькнула искорка торжества.

– Потому что Вальтер Рейнхард никогда не носил длинных волос. И разве не ты выбрал себе его имя, хотя никто тебе не подсказывал? Ты страдаешь от того, что сорвал ожидания голос – а сколько было знаменитых белых шансонье, у кого вместо голоса было хриплое дребезжание? Да всем плевать, кто ты на самом деле – люди видят только то, что им нравится видеть в тебе, – это звучало хоть и не в обычном назидательном тоне, но очень эмоционально, особенно в устах субарца.

– Да, пожалуй, – мрачно произнёс Темпл, тихо вздыхая, – а кое-кто ещё и норовит отрезать понравившееся, например, крылья, как сегодня... А я хочу летать и буду, спасибо тебе, Ютака.

После этого Хория счёл возможным убрать свою руку.

– Похоже, ты посадил свой мотор за наши два года или

того раньше, потому так болезненно и реагируешь на всё. В любом случае, перед длительным рейдом необходима профилактика для всякого лётчика, и завтра я отвезу тебя в кардиологию лично, правила корпорации, не обсуждается.

– Забавно, – улыбнулся вдруг Скайстон. – Это не в клинику ли Кумасиро меня отправят, а?

Хория даже цокнул языком, сам этого не заметив.

– Она имперской не уступает, уж не сомневайся. Кстати, ты ужинал?

– Нет, забыл как-то. Может, от того и захандрил, – Темпл, успокоившись, снова принялся за бренди.

– А я и вовсе не успел. Надо исправить это упущение, тем более, что сегодня нас с тобой ждут наверху, в випзале, а я ещё должен кое-что рассказать тебе, Вальтер Рейнхард, – и, выждав крохотную паузу, подмигнул ему и весело засмеялся. – Я же говорил, тебе идёт и ты спокойно реагируешь, вообще-то. Прорвёмся.

– Что за сборище желает видеть нас наверху? – деловито осведомился Скайстон холодным тоном.

– Сам увидишь, да тебе и понравится, к тому же. Корпоративная вечеринка работников «Субару синрабансёу», ты ведь уже и сам об этом догадался, – хитро улыбнулся Ютака и щёлкнул пальцами, подзывая официанта.

Отужинав и аккуратно поправив новую причёску, оставшись без куртки и плаща и выпив почти весь бренди, Темпл ощутил себя даже повеселевшим. Он заметил, что Ютака се-

годня смотрел на него с добродушным беспокойством, тем взглядом, которым субарцы смотрят на своих домочадцев. «Произвести приятное впечатление на публику» – так стояла задача. Если там только субарцы, то достаточно будет вежливой лаконичности. И всё же это было впервые после бегства – показаться на людях, упрямо продолжало ныть где-то внутри. Однако то ли Темпл устал от привычного инкогнито, то ли чужое имя подействовало на него, как дождь на увядшее от жары растение, но перспектива того, что на него полночи как минимум будут пялиться десятки глаз, ещё неделю назад способная ужаснуть, сейчас воспринималась едва ли не как должное. Да и ощутить вечером себя спокойно без куртки – в этой новизне также было что-то приятное, также ранее безвозвратно потерянное. Только алые наручи поверх белой рубашки, а дальше – как и положено выпускнику Академии, только без платиновых виньеток – Скайстон, а ведь ты ещё молод, после выпуска прошёл только третий год, забыл? Так, а это откуда такая мысль вдруг, как будто сказано другим человеком... Темпл инстинктивно поднял голову к небу – сейчас он стоял на краю террасы, откуда открывался вид на вечернее море, и увидел в потемневшей синеве одинокую пока Шуго Тенши, только-только вспыхнувшую в небе, она смотрелась как обычная звёздочка нулевой величины. У этой звезды не было планет, но она служит надёжным ориентиром здесь, на этой планете. Слишком долго смотришь себе под ноги, Скайстон, снова прозвучало где-то

внутри. Действительно, раньше он был склонен сжиматься в комок, сейчас хочется выпрямиться и... а дальше Темпл думать уже боялся. Но, наверное, только пока боялся? Ах, ну отчего же он раньше не думал, чего же на самом деле ему хочется, кроме того, чтоб тупо выжить? Шуго Тенши, талисман этой планеты, как насчёт того, чтоб я снова смог петь. Мне ведь и правда очень этого не хватает. Темпл убрал руку из холодной чаши клепсидры и с удовольствием потянулся, задвинув руки за голову. Вздых получился лёгким, как и четыре года назад, когда ещё он был полон спокойствия и радости.

Скайстон забыл, что Ютака наблюдает за ним в этот момент, а тот не удержался от одобрительного кивка, увидев, что напарник не закрывает инстинктивно лицо локтями, как раньше в подобных случаях. Более того, уже через минуту Темпл вернулся, совершенно спокойный и дисциплинированный:

– Ну что, нам уже пора наверх?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.